

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
Сборник научных трудов
Выпуск 12

Омск
ОМА МВД России
2017

УДК 34(082)
ББК 67.628.1
В 74

Редакционная коллегия:

А. Н. Артамонов — кандидат юридических наук, доцент; *В. В. Бабурин* — доктор юридических наук, профессор; *М. В. Бавсун* — доктор юридических наук, доцент (*зам. председателя*); *О. И. Бекетов* — доктор юридических наук, профессор; *В. В. Векленко* — доктор юридических наук, профессор (*председатель*); *Т. Е. Грязнова* — доктор юридических наук, доцент; *А. В. Иващенко* — кандидат юридических наук, доцент; *Я. М. Мазунин* — доктор юридических наук, профессор; *А. А. Турьшев* — кандидат юридических наук (*отв. секретарь*)

В 74 **Вопросы правовой теории и практики** : сб. науч. тр. — Омск : Омская академия МВД России, 2017. — Вып. 12. — 108 с.
ISBN 978-5-88651-663-0

В сборнике научных трудов освещаются результаты фундаментальных и прикладных исследований, направленных на повышение эффективности применения норм права на современном этапе общественного развития.

Содержащиеся в сборнике материалы представляют интерес для научных работников, преподавателей, адъюнктов, аспирантов и практических работников.

УДК 34(082)
ББК 67.628.1

М. А. Кожевина

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Наука, в том числе юридическая, как и любой социальный институт, «порождается обществом, чтобы обслуживать его нужды и потребности», поэтому выполняет ряд социальных функций: прогностическую, практическую, культурную, мировоззренческую и т. п.¹ Институционализация осуществляется при наличии особых социально-экономических и политических условий, когда возникает определенная общественная необходимость в формировании и развитии нового типа деятельности — научной. Позже формируются социально-психологические механизмы, обеспечивающие стабильность и устойчивость внутренней организации науки, а также ее устойчивость и стабильность в системе социальных институтов.

К факторам, поддерживающим эту стабильность, следует отнести связь науки и общества, обусловленную, с одной стороны, потребностью научного юридического сообщества в адаптации новых знаний о праве и проверке их достоверности, с другой — потребностью социума в научно обоснованном механизме правового воздействия на многогранно развивающиеся общественные отношения. Одним из средств, укрепляющих данную связь, является популяризация научного знания, под которой мы понимаем распространение, разъяснение специализированного научного знания в области юриспруденции среди малоподготовленной части общества в целях формирования правосознания и правовой культуры, а также стимулирования общественного интереса к правоведению и юридическому образованию.

Сделать научные знания достоянием широких масс — дело сложное и не всегда эффективное. С развитием науки корпорация ученых стремится вовлечь в круг своих сподвижников как можно больше практиков-профессионалов, всех интересующихся наукой и сочувствующих ей. С этой целью используются различные средства: читаются публичные лекции; издаются сборники законов и комментарии к ним; создаются различные общественные движения и организации; формируется и развивается сеть профессиональных учебных заведений. Предпочтительной формой популяризации научного знания является массовая печать, с помощью которой образуется доступное всем информационное поле. Перечисленное в совокупности позволяет научному сообществу при-

¹ *Основы науковедения*. М., 1985. С. 6.

влечь внимание непосвященной части общества к научным проблемам в определенной области знаний, что достаточно влияет на степень социальности науки, а также на ее популярность и значимость.

Популяризация научного знания тесно связана с развитием науки, следовательно имеет специфику на разных этапах ее становления и ориентирована на решение приоритетных задач конкретного времени. Поэтому мы бы выделили три разновидности популяризации научного знания в контексте истории науки. Первая превалирует в период зарождения науки как социального института, когда решается задача профессионализации научного знания, и направлена вовнутрь профессионального сообщества. Вторая разновидность популяризации направлена вовне. Она становится превалирующей в период расцвета науки, когда научному коллективу уже есть чем поделиться со всем обществом или отдельными социальными группами. И третья осуществляется, когда наука как социальный институт уже прочно заняла свое место в социальном пространстве. Тогда две ранее проявившиеся разновидности популяризации сосуществуют, дополняя друг друга, тем самым обеспечивая жизнеспособность научного сообщества и устойчивость внешних связей. История отечественной юридической науки является ярким тому доказательством.

Время складывания предпосылок и зарождения российской юридической науки у большинства исследователей не вызывает сомнения — канун и период реформ Петра Великого. К концу XVII в. прикладная юриспруденция, сложившаяся в России, не отвечала потребностям общества. Реформы Петра I, направленные прежде всего на модернизацию государственной системы, в не меньшей степени затронули другие сферы жизнедеятельности. Новые условия породили потребность реформирования системы законодательства, ее структуризации, а следовательно, формирования сообщества юристов-профессионалов, расширения круга юридически образованных лиц, способных обосновать и осуществить эти преобразования. «От пронизательного ума его (Петра I. — М. К.), — отмечал А. П. Куницын, — не скрылась и та истина, что для надлежащего исполнения и охранения силы законов необходимо нужны просвещенные блюстители оных, ибо и самые ясные законы для несведущего человека бывают темны»². П. П. Пекарский³, определяя общие тенденции образо-

² Куницын А. П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в Правоведении // Сын Отечества. 1821. Ч. 67, № 6. С. 253.

³ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 2 : Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862.

вательной политики Петра I, выделил основные источники популяризации юридических знаний, направленных на формирование сообщества профессиональных юристов и институционализацию юридической науки. Особую роль в этом он отводил самому русскому царю с его неумемной тягой к знанию европейской культуры, а также связывал популяризацию юридических знаний с издательской деятельностью русских типографий за рубежом и в России, с опытом сотрудничества в части «введения наук в России» с немецкими и французскими учеными, с развитием библиотечного дела, организацией переводов иностранной литературы, открытием отечественных учебных заведений и Российской академии наук.

В этот период наука определялась как обучение, познание, средство преодоления массового правового невежества, в первую очередь свободных сословий. Однако создание образованной прослойки русского общества даже со схоластическими знаниями было затруднено сложившимися стереотипами. Ф. Л. Морошкин такую ситуацию рассматривал в контексте историко-психологического фактора. «Вот начало русской юриспруденции — начало весьма неблистательное: холопы защищают в суде права своих хозяев, — пишет он, а далее указывает причину, — дворянство стыдилось знать законы своего Отечества, чтобы не прослыть подъячими... Наука — плод терпения и личных талантов, не привлекала к себе... Он (дворянин. — М. К.) стыдился науки, чтобы не сочли педантом — стыдился знать законы, по коим устраивается и сохраняется государство — законы, коими защищается личность и собственность гражданина — стыдился имени благовоспитанного человека»⁴.

Сложность заключалась еще и в том, что Россия, не имея собственного опыта правового просвещения, вынуждена была прибегнуть к услугам зарубежных юристов-ученых и практиков. Проникновение западной традиции права в Россию осуществлялось разными способами: посредством переводов произведений популярных в это время мыслителей и тиражирования их в научных изданиях, использования иностранного законодательства в правотворчестве, привлечения иностранных специалистов в систему образования и политику или посредством обучения передовой молодежи в европейских университетах.

В. Э. Грабарь, исследуя историю международного права, выделил условия, значительно повлиявшие на популяризацию гуманитарного знания, — перевод книг и библиотечное дело. Этот фактор «особенно

⁴ Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Февраль. № VIII. С. 215.

усилился после 1708 г., когда введен был гражданский шрифт». К числу первых переводов по праву он относил «Три книги о праве войны и мира» Гуго Гроция, «Восемь книг о естественном праве и праве народов» Самуила Пуффендорфа, «безраздельно господствующих в литературе международного права вплоть до половины XVIII в.», и книгу Викфора «Посол и его функции»⁵. Несмотря на то что первые переводы не были напечатаны, они не были утрачены и значатся в каталогах библиотек П. П. Шафирова и А. А. Матвеева. В фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся и другие рукописные переводы этого времени, например, произведения Томаса Гоббса и Джона Локка.

Традиция распространения научного знания в образованных кругах российского общества тесно связана и с деятельностью Российской академии наук. Первое научное издание на русском языке, имевшее целью познакомить читателей с деятельностью Академии, вышло в 1726 г. и называлось «Краткое описание комментариев Академии наук, часть первая на 1726 год. Петербург, 1728». В нем были размещены переводы 22 академических диссертаций, написанных на латинском языке. Издание задумывалось как периодическое, содержащее отчеты Академии наук за каждый год, но вышла только одна книга. Начиная с 1750 г. издание периодических научных журналов Академии становится постоянным. И, несмотря на то что в этих журналах юридические темы не освещались (исключение, пожалуй, составляет перепечатка «Письма из сочинений Жан Жака Руссо о самопроизвольной смерти»⁶), опыт популяризации научного знания становится неотъемлемой частью российской жизни, позже он был воспринят издателями юридических книг, периодических журналов и газет.

Первые юридические издания появились в конце XVIII в. и носили просветительский энциклопедический характер. В начале XIX в. выпуск подобных книг становится особенно популярным. Среди наиболее распространенных была «Грамматика юридическая или начальныя правила российского правоведения, сочиненное в пользу юношества, обучающегося в разных училищах, надворным советником Федором Правиковым» (Санкт-Петербург, 1805), а также «Новый и полный всеобщий стряпчий, или судебный обрядник» в четырех частях (М., 1811), «Всеобщий стряпчий или поверенный» И. А. Моркова (шесть изданий с 1810 по 1821 гг.), «Полный всеобщий стряпчий или словарь практического гражданского делопроизводства» в трех томах, собранный С. Ушаковым (1822–1826), и др.

⁵ *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 40.

⁶ *Академические известия.* 1780. Ч. VI. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. С. 244–266.

Особое признание получил «Журнал Дома практического правоуедения по предмету образования стряпчества», издававшийся в Санкт-Петербурге с 1813 г. коллежским советником и писателем И. М. Наумовым.

К середине XIX в. с открытием шести университетов, введением в 1809 г. экзамена на государственный чин, созданием школы русских профессоров барьер правового невежества удалось преодолеть. Сообщество юристов-профессионалов было создано. И если в начале XIX в. выпуск университетов обычно не превышал 40–50 человек в год, то в 1830–1850-е гг. студенты-юристы уже составляли до одной трети от общего числа студентов университетов. В 1836 г. на юридических факультетах обучалось 438 человек, в 1843 г. — 1071, в 1848 г. — 14 312 человек⁷. К этому времени сложилась и научная элита. В 1835 г. в шести отечественных университетах работало 264 человека, из них 203 имели ученые степени, более 100 получили российское образование. Условно можно предположить, коль скоро в университетах было четыре факультета, то четвертую часть от этого числа составляли правоведеы⁸. Таким образом, к этому времени были решены задачи внутреннего просвещения и созданы условия для популяризации правовых знаний вне юридического сообщества. Этот аспект был обусловлен и тем, что в России превалировала практическая юриспруденция, в которой знание законов сливались с искусством прилагать эти законы к встречающимся случаям гражданской жизни. Знать законы становилось обязанностью не только юриста-практика, но и обычного человека. Например, И. В. Васильев пояснял это требование времени так: «Каждый должен... знать законы, чтобы ограждать свою честь, доброе имя — личность, с коей соединено политическое бытие наше... оградить от притеснений слабого... оправдать невинного — есть торжество души благородной, возвышенной... охранить законным образом имущество, собственность...»⁹.

Специализированные периодические издания журнального типа по юриспруденции сначала были делом частной инициативы. Они создавались по образцам западно-европейских юридических журналов, адаптируя материал к условиям российской правовой действительности. Первыми такими журналами исследователи называют «Театр судоуедения,

⁷ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850 гг. Екатеринбург, 2005. С. 287.

⁸ Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 312.

⁹ Васильев И. В. О сущности и пользе Законов вообще и о необходимости изучения Законов Отечественных : лекция. М., 1828. С. 12–13.

или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции» В. В. Новикова, «Журнал правоведения» барона Беллингаузена.

Ярким событием стал выпуск первого, как считают многие исследователи, научного журнала «Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным». Первые два тома были изданы профессором П. Г. Редкиным в Москве в 1841–1842 гг., следующие два он создал совместно с К. Я. Яневичем-Яневским в Петербурге в 1859–1860 гг., последний выпустил в 1862 г. уже один К. Я. Яневич-Яневский. «Юридические записки» следует рассматривать как закономерное явление, находящееся в русле общих тенденций развития отечественной гуманитарной науки. П. Г. Редкин и его сподвижники продолжили традицию юридического просветительства за счет сохранения практической направленности отдельных материалов. Вместе с тем журнал содержал и научно-популярные статьи, находившие отклик у юридического сообщества в силу того, что к середине XIX в. научные знания стали особенно востребованными в рамках широко развернувшегося отраслевого правотворчества.

Вторая половина XIX в. характеризуется наличием обеих разновидностей популяризации юридического знания. Она ознаменована активной издательской деятельностью как отдельных ученых-юристов, практиков, так и юридических обществ, учебных заведений и государственных органов, связанных с юридическим образованием и законотворчеством. Например, одним из авторских изданий стал «Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером», вышедший в Казани в 1855 г. Особую нишу в отечественной научной и практической юриспруденции занимают сборники и журналы, выходящие под руководством Николая Васильевича Калачова, ученого, историка, юриста, сенатора, продолжателя традиций П. Г. Редкина. Журнал «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (1850–1859) и сменивший его «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» (1859–1861) — научные издания универсального характера, освещающие, прежде всего, проблемы истории русского права, но в контексте смежных гуманитарных наук. В 1860 г. увидел свет журнал («приложение к журналу «Архив...») «Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым».

Интенсивный информационный обмен демонстрировал «Журнал гражданского и торгового права», вышедший в Петербурге с 1871 г. по 1906 г. (неоднократно менявший свое название). Особое место среди ведомственных отраслевых изданий занимал «Журнал Министерства юстиции» («ЖМЮ») — официальный печатный орган министерства. Выходил он в Санкт-Петербурге в 1859–1868; 1894–1917 гг. С 1868 г. по 1894 г.

(с перерывами) издавался как приложение к газете «Судебный вестник» (1866–1877). Каждый университет выпускал свои «Ученые записки» или «Труды», училища и лицеи — «Памятные книжки» (1850–1916), «Учебные записки» (1907–1910, 1912–1916), Демидовский лицей — «Временник Демидовского юридического лицея» (1872–1917).

Таким образом, к началу XX столетия образовалась и закрепились важнейшая ниша отечественной журналистики — юридическая периодика и библиография, которая была востребована и необходима как ученому-правоведу, практикующему специалисту, так и массовому читателю. Постепенно трансформируясь и усложняясь, вся совокупность средств популяризации правовых знаний соответствовала потребностям науки, приближая научные знания к массовому читателю, расширяя круг знатоков права, тем самым укрепляя позиции отечественной научной юриспруденции как социального института.

Т. Е. Грязнова

ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ ШВЕЙЦАРИИ В ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЮРИСТОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX века

Проблема демократии занимает одно из центральных мест в творчестве отечественных либеральных юристов конца XIX — начала XX вв. Выход на политическую сцену народных масс, властно заявивших свои притязания как на известную долю жизненных благ, так и на право стать полноправными субъектами политической системы и правотворческой деятельности, обозначил проблему демократии как важнейшую проблему своей эпохи. При этом очевидно, что в России чисто научному интересу сопутствовал интерес политический. В широком спектре форм демократий Нового времени особое место, по мнению исследователей, занимает демократия Швейцарии, представляющая несомненный интерес как единственное государство того периода с прямым участием народа в осуществлении властных полномочий на кантональном уровне и сочетанием институтов представительной и прямой демократии на уровне федеральном. Так, М. М. Ковалевский комментировал эту особенность следующим образом: «Мы имеем в Швейцарии... образцовое, чисто демократическое устройство, частью сохраняющее еще следы прямого народоправства, частью приблизившееся к типу народоправства представительного,

но восполненное и прямым законодательным почином и так называемой системой референдума»¹.

В центре внимания отечественных исследователей находятся кантоны Ури, Верхний и Нижний Унтервальден, Гларус и полукантоны Аппенцеля, где учреждения непосредственной демократии сохранились в виде народных собраний — *Landsgemeinde*. *Landsgemeinde* представляет совокупность всех полноправных граждан кантона, собирающихся в определенное время для осуществления законодательных и правительственных функций, а также производства многочисленных выборов должностных лиц.

Наряду с народным собранием в рассматриваемых кантонах российские государствоведы отмечали наличие избираемого общинами и обладающего законосовещательными функциями Большого Совета, главная задача которого — подготовка проектов законов для представления их органу прямого народоправства.

Вопросы текущего управления подлежали ведению Правительственного Совета (избирался либо непосредственно народом, либо Большим Советом), который возглавлял ежегодно избираемый народным собранием *Landsmann*. Помимо председателя Правительственного Совета, народное собрание избирало начальника местной милиции, казначея и помощника ландсмана. В случае необходимости решения особо значимых вопросов, например подготовки законопроектов, состав Совета может быть расширен за счет дополнительно избираемых лиц.

В сферу интересов правительственной власти *Landsgemeinde*, как отмечали либеральные представители российской юриспруденции, попадали следующие вопросы: ратификация межкантональных договоров, финансовое управление, а также любая проблема по требованию граждан.

Народное собрание, сосредоточивая в своих руках учредительную, законодательную и широчайшую правительственную власть, было лишено возможности злоупотреблять ею: конституционный характер современных демократий надежно защищает права и свободы граждан, подчеркивали ученые².

¹ Ковалевский М. М. Демократия, и ее политическая доктрина. Курс лекций, читанных на экономическом отделении СПб. П. И. в 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. Вып. II. С. 112.

² Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 32–33; *Его же*. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1914. С. 54–62; *Его же*. О правовом государстве. Б/м., б/г. С. 16; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. / под ред. Н. М. Коркунова. СПб., 1895. С. 95–96; *Его же*. Государственное право. Лекции,

Возможность существования прямых демократий ряда швейцарских кантонов была обусловлена, по мнению отечественных исследователей, их незначительной территорией, малочисленным населением и чрезвычайной простотой государственной жизни. Однако рост населения и усложнение государственных задач делали будущее этой формы народовластия проблематичным.

Политическая жизнь остальных швейцарских кантонов, наряду с переходом к народному представительству, обусловила формирование целого ряда новых институтов, позволяющих гражданам непосредственно участвовать в осуществлении учредительной и законодательной власти, отмечают российские наблюдатели. К числу этих институтов они относили: народное veto, референдум (факультативный и обязательный), народную инициативу и право отзыва³.

Исторически первой формой непосредственного участия правоспособных граждан в законодательной власти был институт народного veto, введенный в Сен-Галленском кантоне в 1831 г. Сущность этого института С. А. Котляревский трактовал следующим образом: «Если после издания известного закона большинство граждан в течение определенного времени выскажется против него, то закон не вступает в силу»⁴.

Очередным шагом в расширении непосредственного народовластия стал институт референдума. Под референдумом российские юри-

читанные в 1881–1882 акад. году. СПб., 1882. С. 343–345; *Ковалевский М. М.* Указ. соч. С. 110; *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 33–34; *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I. С. 67.

³ *Гессен В. М.* Основы конституционного права. С. 32–33; *Его же.* Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 62–67, 80–85; *Градовский А. Д.* Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 345–347; *Ковалевский М. М.* Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени. СПб., 1910–1911. Т. I. С. 10, 25; *Его же.* Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. СПб., 1908. Ч. I. С. 12–15, 18; *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2004. С. 247; *Котляревский С. А.* Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 1915. С. 249–250; *Его же.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–36; *Новгородцев П. И.* Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 172–199.

⁴ *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34.

сты понимали всеобщее голосование граждан по установлению законов и иным наиболее важным вопросам государственной жизни⁵.

На федеральном уровне институт референдума был закреплен в Конституции Швейцарии 1848 г., согласно нормам которой граждане получили право утверждать основной закон. Конституция 1874 г. предоставила гражданам право выносить окончательное решение по поводу поправок к Конституции, предлагаемых Федеральным собранием, либо самим инициировать вопрос о полном или частичном пересмотре конституционных норм.

Референдум имел обязательный характер для конституционных законов (изменение признается принятым, если за него проголосовало большинство граждан и большинство кантонов) и факультативный для остальных. Институт факультативного референдума интерпретировался российскими юристами как право граждан (численность колеблется в различных кантонах от 500 до 6 тыс. человек, на федеральном уровне — от 30 тыс. граждан или 8 кантонов) требовать народного голосования по законопроектам или постановлениям, разработанным представительным учреждением⁶. Более демократичным институтом, по мнению отечественных исследователей, являлся обязательный референдум, при котором все законопроекты, принятые представительствами кантонов, подлежали вотуму народа⁷.

⁵ Гессен В. М. Основы конституционного права. С. 33 ; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. . С. 96–97 ; Его же. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Государство на Западе в начале XX века // История нашего времени. С. 25 ; Его же. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 13 ; Кокошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 220–221.

⁶ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 63–64 ; Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 12–15 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–35 ; Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 190.

⁷ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 63–64 ; Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 346 ; Ковалевский М. М. Общее конституционное право. Лекции, читанные в СПб Университете и Политехникуме. С. 12–15 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 34–35.

Референдум, как справедливо отмечали правоведы, был известен не только Швейцарии, но и целому ряду субъектов США. Однако в североамериканских штатах востребованность данного института начиная с 20-х годов XIX в. была обусловлена неудовлетворенностью результатами деятельности народного представительства и концентрацией власти в руках узкого круга профессиональных политиков. Анализ вопросов, выносимых в штатах на референдум (утверждение законопроектов, предложений финансового характера и т. д.), и их результатов позволил российским ученым расценивать данную практику как безусловно позитивную.

В тесной связи с референдумом во всех швейцарских кантонах стоит институт законодательной инициативы. Его сущность государственведы усматривают в праве граждан посредством простого предложения либо готового проекта требовать разработки, изменения или отмены какого-либо закона или правительственного распоряжения.

Право отзыва, как отмечали отечественные ученые, по сравнению с вышеназванными формами осуществления непосредственной демократии, получило на территории Швейцарской Республики гораздо меньшее распространение (всего в пяти кантонах). Оно заключается в возможности досрочного роспуска законодательного органа или исполнительного совета по требованию избирателей с условием обязательного назначения новых выборов.

Закрепление институтов прямой демократии на федеральном уровне, в частности в действующей Конституции 1874 г., стало определяющим для интерпретации Н. И. Лазаревским, С. А. Котляревским и В. М. Гессеном Швейцарской федеративной республики как непосредственной демократии⁸.

Иной точки зрения придерживались А. Д. Градовский, Ф. Ф. Кошкин и М. М. Ковалевский. Институты прямой демократии, будучи важнейшей составляющей правовой системы Швейцарской Республики, рассматривались ими как особенность демократии представительной⁹. Федеративное государство, по мнению этих ученых, демонстрирует основные признаки представительной формы правления: разделение

⁸ Гессен В. М. Основы конституционного права. С. 32–33 ; *Его же*. О правовом государстве. С. 16 ; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 36–38 ; Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 67.

⁹ Градовский А. Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881–1882 акад. году. С. 345–347 ; Ковалевский М. М. Демократия, и ее политическая доктрина. Курс лекций, читанных на экономическом отделении СПб. П. И. в 1912–1913 уч. г. С. 90–112 ; Кошкин Ф. Ф. Указ. соч. С. 247–248.

властей и наличие обладающего реальными законодательными полномочиями народного представительства.

Большое внимание в творчестве российских либеральных правоведов уделяется проблеме эффективности и жизнеспособности институтов прямой демократии. Изучение отзывов наблюдателей функционирования, в частности института референдума, позволяет говорить о далеко не однозначном отношении современников к этому вопросу. Тщательный анализ взглядов как сторонников, так и противников референдума позволил нашим исследователям составить собственное видение проблемы. Рассмотрев аргументы, свидетельствующие о консервативности данного института, проявившейся в отклонении народным голосованием ряда прогрессивных законов и социальных реформ, российские либеральные ученые считали их несостоятельными, ссылаясь на объективные факторы: чрезвычайную сложность законопроектов и особенность национального характера швейцарцев — феноменальную бережливость. «Конечно, при референдуме темп законодательства может сильно замедляться, многие полезные мероприятия оказываются не в силах побороть народные предубеждения; но зато, раз приобретенное становится прочным достоянием»¹⁰, — считал С. А. Котляревский.

Будучи, с точки зрения отечественных государствоведов, школой политического воспитания народа, средством первостепенной важности его правового развития, способом влияния общественного мнения на законодательство, гарантом сохранения прав и свобод граждан, а также стабильности существующего государственного строя, референдум оценивается ими как «чрезвычайно серьезный» и «чрезвычайно жизненный» институт, органично дополняющий народное представительство¹¹. «Это есть именно та форма выражения народной воли, которой принадлежит будущее и которая идет если не на смену, то в подкрепление существующим формам», — заключил П. И. Новгородцев¹².

¹⁰ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 39.

¹¹ Гессен В. М. Теория конституционного государства. Лекции, читанные студентам экономического отделения СПб политехнического института императора Петра Великого. С. 67, 80–85; Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 186; Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. С. 39; Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 173–174, 207.

¹² Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 175.

Анализ взглядов российских либеральных мыслителей позволяет говорить об их позитивном отношении не только к традиционным институтам представительной демократии Швейцарии, но и к институтам демократии прямой, рассматривая их в качестве чрезвычайно значимых трансляторов общественного мнения, в полной мере отвечающих принципу народного суверенитета.

М. А. Бучакова

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ В ПРАВЕ: АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ведущей правовой отраслью является конституционное право. Именно Конституция Российской Федерации, устанавливая основы конституционного строя, базовые отношения в различных сферах жизнедеятельности общества, определяет ориентиры для развития всей правовой системы. По сути, конституционное право как ведущая правовая отрасль служит тем фундаментом, который формирует другие отрасли права. Оно определяет не только вектор их развития, но и возможности установления корреляционных отношений с нормами других отраслей права. Так, В. П. Мозолин структуру права в обобщенном виде определял как «состоящую из трех уровней: конституционное право; основные ветви права (гражданское право, трудовое право, административное право, налоговое право, уголовное право, процессуальное право); правовые образования, функционирующие в отдельных сферах жизнедеятельности государства и общества»¹.

Следует отметить, что указанными правовыми образованиями обозначены совокупности правовых норм, имеющие однородный характер и состоящие из норм других отраслей права. В научной литературе подчеркивается комплексный характер подобного рода правовых образований. Так, В. М. Сырых указывает, что «правовое образование признается комплексным не потому, что в нем содержатся нормы других отраслей права, а потому, что эти нормы конкретизируются применительно к специфике предмета отрасли и действуют только в ее пределах»².

¹ Мозолин В. П. Система российского права : доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. // Гос-во и право. 2003. № 1. С. 108–109.

² Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 25–27.

Данное утверждение представляется неоднозначным, так как нормы, применяемые в разных отраслях права, действуют в пределах как основной отрасли, для регулирования отношений в которой они и созданы, так и смежных отраслей, с учетом их особенностей. На современном этапе усиливаются взаимодействие и взаимопроникновение норм смежных отраслей права. М. Ю. Чельшев определял межотраслевые связи в праве как «отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части... это системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами разной правовой отраслевой принадлежности»³.

А. И. Казанник, обращаясь к вопросу о взаимодействии норм конституционного и экологического права, отмечает, что значительным своеобразием отличается взаимодействие учебных курсов конституционного и экологического права. Ученый подчеркивает, что в экологическом праве широко представлены нормы конституционного права, устанавливающие, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». К ним причисляются также нормы, закрепляющие право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением⁴.

Представленная правовая структура при рассмотрении ее в статическом состоянии не вызывает возражений. Вхождение норм смежных отраслей права в комплексное правовое образование не исключает, а скорее предполагает возможную конкуренцию норм права. Несомненный научный интерес возникает при разрешении вопросов о согласованности и иерархии норм различных отраслей права. Ю. А. Тихомиров подчеркивает «противоречивость норм различных отраслей, регулирующих общие и смежные вопросы»⁵. Кроме того, автором делается вывод о приоритете норм базового тематического закона перед нормами законов иных отраслей в регулировании смежных отношений.

³ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. С. 8.

⁴ Конституционное право: университетский курс : учебник: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М., 2015. Т. 1. 263 с.

⁵ Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 21.

Реальность такова, что, несмотря на элементы противоречивости в применении норм смежных отраслей права, растет количество правовых образований, имеющих комплексный межотраслевой характер. Прослеживается тенденция к усложнению действующих правовых институтов, подинститутов, отраслей, появления на их основе новых правовых образований, таких как спортивное, здравоохранительное право и пр. Например, экологическое право как отрасль права «подразделяется на две большие составляющие — природоресурсное и природоохранное право»⁶. Их нормы направлены на регулирование правоотношений, возникающих в сфере природопользования и правовой охраны окружающей среды. Кроме того, в систему экологического права входят экологизированные нормы, т. е. нормы, содержащиеся в других отраслях российского права: гражданском, финансовом, земельном, муниципальном и др. Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплена глава 8 — «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования», главой 26 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за экологические преступления. Муниципальным законодательством, в частности Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷, определены полномочия муниципальных образований в экологической сфере. Данные нормы не являются непосредственно природоохранными и природоресурсными, однако «оказывают на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов непосредственное влияние и воздействие»⁸. В связи с этим исследователи пишут об экологизации гражданского права, уголовного права, административного права и т. д. По сути, третий уровень, выделяемый учеными в структуре российского права, это и есть нормы и институты смежных отраслей права, а применительно к экологическому праву — экологизированные нормы права.

В. В. Петров в доктрине экологического права выделял системный подход, указывая, что «экологизированные нормы права и нормативы включены в состав важнейшего звена эколого-правового механизма, обеспечивающего его эффективное функционирование»⁹. Принцип системности в российском праве позволяет обеспечить согласованность правовых норм, избежать или ослабить конкуренцию этих норм и поэтому

⁶ Боголюбов С. А. Экологическое право. М., 2007. С. 32.

⁷ Рос. газета. 2003. 8 окт.

⁸ Боголюбов С. А. Правотворчество в сфере экологии. М., 2010. С. 10–15.

⁹ Петров В. В. Экологическое право России : учебник для вузов. М., 1995. С. 161.

должен быть соблюден не только применительно к экологическому праву, но и в отношении любой другой отдельно взятой отрасли права, образующей правовую систему, с включением в нее норм смежных отраслей.

С точки зрения современной теории права «субсидиарное применение дает возможность выстраивания партнерских отношений между нормами отдельных отраслей законодательства»¹⁰.

Представленная учеными-теоретиками структура права неполна, так как процессы интернационализации и глобализации экономических, социальных, культурных, политических и иных связей ведут к возрастанию роли международного права, особенностью норм которого является то, что они реализуются в сфере отношений, подпадающих под действие национального права. Взаимодействие норм международного и внутригосударственного права ведет к проникновению международных норм в национальное законодательство, все чаще внутригосударственные отношения регулируются нормами международного права. В связи с этим И. И. Лукашук отмечает, что «в наше время, в условиях углубляющейся интернационализации общества, особо важно обеспечить оптимальное взаимодействие правовой системы страны с международным правом и правовыми системами других государств. Формируется единое правовое пространство в глобальном масштабе»¹¹. Государство, основываясь на принципе суверенитета, самостоятельно формирует не только государственную правовую систему, устанавливая ее конституционные свойства и характеристики, но также порядок и характер взаимодействия национального и международного права.

Важное значение для понимания роли международного права в российской правовой системе имеют нормы Конституции РФ. Так, часть 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹². Эти положения о приоритете норм международных договоров нашли отражение во многих ведущих нормативных правовых актах Российской Федерации, таких как ГК РФ, ГПК РФ, УПК РФ и др. Стремление к согласованности правовых норм национального и международного

¹⁰ *Абрамова А. И.* Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 77.

¹¹ *Лукашук И. И.* Современное право международных договоров : в 2 т. М., 2004. Т. I. С. 257.

¹² *Рос. газета.* 2003. 2 дек.

права ведет к международной унификации права, созданию наднациональных регуляторов общественных отношений. Одновременно сегодня в мире проявляются коллизии, вызванные несогласованностью национальных правовых систем и норм международного права. Так, Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ ратифицировал Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней, закрепив положение о том, что Российская Федерация признает обязательной юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов¹³.

Однако в последние несколько лет непростые политические отношения в мире отразились на решениях, принимаемых Европейским Судом по правам человека, одной из сторон по которым выступает Российская Федерация. В связи с этим Конституционным Судом Российской Федерации был разрешен вопрос о критерии допустимости применения норм международного права. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П подчеркнуто, что правила международного договора, если они противоречат положениям Конституции Российской Федерации, не могут применяться, поскольку обязанностями органов государственной власти при имплементации международных договоров в правовую систему Российской Федерации являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина и недопущение нарушений основ конституционного строя¹⁴.

Более того, постановлением Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П предусмотрен механизм блокирования постановлений Европейского Суда. Так, Конституционный Суд указал, что «если Европейский Суд, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то Российская Федерация вправе отказаться от его исполнения как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя при ратификации Конвенции»¹⁵. Следует констатировать, что взаимодействие норм международного и национального права может вести к противоречиям в современном мире.

Тем не менее возникающие в праве коллизии должны быть разрешены юридическими средствами на основе признания ведущей роли конституционного правового регулирования.

¹³ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 14, ст. 1514.

¹⁴ *Рос. газета*. 2012. 20 июля.

¹⁵ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 30, ст. 4658.

КАТЕГОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Понятие «концептуальность» не зафиксировано в научных словарях, академических энциклопедиях и не является дефинированным термином, в отличие от таких понятийных категорий, как «концепция», «концептуальная схема» и «концептуальная система». Вместе с тем данное понятие в зависимости от контекста может иметь минимум два значения: узкое и широкое. В узком смысле «концептуальность» соотносится с понятиями «концептуальный (научный) подход» или «концептуальное (теоретическое) мировоззрение». В широком смысле понятие «концептуальность» служит для обозначения всех концептуальных проявлений, начиная от первоначальной научной идеи и заканчивая научной теорией.

Рассмотрим некоторые аспекты концептуальности в отраслевом правопознании, поскольку этому уделяется недостаточное внимание даже в серьезных научных трудах по уголовному праву. Попытаемся разобраться в том, что из себя представляют и как соотносятся между собой такие категории концептуальности, как концепция, концептуальная схема, концептуальная система, концепт и концептуализация, применительно к уголовному праву.

В научной литературе отмечается, что концепция — это система взглядов на что-либо, основная мысль, которая указывает цели и задачи исследования, а также пути его проведения¹. Данное определение показывает, что термин «концепция» имеет два значения. В узком смысле концепция представляет собой научную идею, которая не развернута в концептуальную систему, т. е. не представлена в виде теории (системы взглядов). В широком смысле «концепция» служит для обозначения концептуальной схемы и научной теории, т. е. системы научных взглядов, сквозь призму которых рассматриваются изучаемый объект и его предметные стороны. В классической науке понятие «концепция» часто отождествляется с понятием «теория»². В таких случаях «концепция» обозначает неполную теорию, подчеркивает ее незавершенность. Кроме того, концепция понимается как предварительная организация теоретического материала, а теория — как развернутая концепция.

В уголовном праве наблюдается тенденция к отождествлению понятия «концепция» с понятием «теория». При этом не делается никаких

¹ Кузин Ф. А. Диссертация : практическое пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. М., 2008. С. 38.

² Лебедев С. А. Философия науки. М., 2000. С. 553–555.

оговорок, что в классических дисциплинах понятием «концепция» обозначают незавершенную либо нестрогую теорию, а в неклассической науке понятие «концепция», как правило, обозначает концептуальную схему, которая включает исходные принципы теории, основные категории и понятия. В науке уголовного права концепции чаще всего фигурируют в качестве самостоятельной формы уголовно-правовых знаний, как, например, концепция общественной опасности преступных деяний, концепция неоконченного преступления, концепция невиновного причинения вреда и др. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между перечисленными понятиями. Концепция как научная идея является зачатком концептуальной системы, а концептуальная система представляет собой развернутую (развитую) до уровня научной теории научную идею. Концептуальная схема является промежуточным звеном между концепцией в узком понимании и теорией (концептуальной системой). В качестве концептуального явления схема представляет собой дискретное (с пропусками), генерализованное (обобщенное) и приблизительное (с некоторыми допущениями) описание предметных сторон объекта. Движение научной мысли происходит от концепции (первоначальной идеи) к концептуальной схеме (развернутой идее) и далее — к концептуальной системе (законченной научной теории). Данное положение схематически можно изобразить в виде формулы:

$$K_1 - \rightarrow, K_2 - - \rightarrow, - - - \rightarrow K_3.$$

Что касается концептуального анализа, таковой должен опираться на первоначальную идею (K_1). В любом случае такой анализ вторичен, так как предполагает наличие готового текста, который может быть рассмотрен субъектом правопознания в интересующем его аспекте.

Отраслевое правопознание предполагает выделение в рамках конкретной концепции таких элементов, как ядро и периферия. Ядро концепции представляет собой базовую идею, в соответствии с которой выстраивается концептуальная система. Так, в уголовном праве в качестве концептуального ядра концепции стадий совершения преступления традиционно рассматривается понятие «стадия преступления»³. В соответствии с этим узловым (ядерным) понятием стадиями преступления считаются приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Данная концепция с течением времени дополнялась многочисленными периферийными положениями: о голом умысле, предвари-

³ См., напр.: Уголовное право. Часть Общая : учебник / под ред. Н. И. Загородникова, С. В. Бородина, В. Ф. Кириченко. М., 1966. С. 243–249.

тельной преступной деятельности, оконченном, неоконченном, годном и негодном покушениях и другими, часто несовпадающими модификациями динамических элементов концепции стадийности.

Понятие «концепт» в литературе определяется по-разному. Одни считают, что это понятие, выражающее сущность какой-либо теории, например, «закон» в общей теории права. Другие отождествляют концепт с мысленным образом какого-либо объекта, т. е. понимают концепт как квант (единицу) знания. Специалисты-концептологи отмечают, что концепт — это не явление, не вещь и даже не сущность. Более того, концепт, несмотря на близость к понятию, не есть понятие как таковое (или термин). Концепт — это ментальная единица, которая выражает коллективный опыт⁴.

В научном знании определенным образом упорядоченный минимум концептов образует концептуальную схему. Концепты функционируют внутри сформированных концептуальных схем в режиме понимания-объяснения. Каждый концепт занимает свое место на том или ином уровне концептуальной схемы. При этом концепты одного уровня обычно конкретизируются на других уровнях. В литературе справедливо отмечается, что концепты используются как средства, организующие способы познания реальности⁵. В уголовном праве концепты выступают как средство конструирования и конституирования уголовно-правовых норм, институтов и других нормативных блоков. Собственное обоснование концепты получают в более широких по отношению к ним системах, т. е. в рамках конкретных концепций. При этом концепт имеет такое свойство, как соотнесенность с проблемой или пересечение с множеством проблем, на которые призваны отвечать соотносимые с проблемой концепты.

Уголовно-правовые концепты в соответствии с источником их закрепления можно разделить на законодательные и доктринальные. Законодательными концептами в уголовном праве являются используемые законодателем ментальные единицы, имеющие уголовно-правовое значение, например, вменяемое лицо (ст. 19 УК РФ), невменяемость (ст. 21 УК РФ), лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22 УК РФ). Вполне закономерно, что количество законодательных концептов ограничено рамками нормативного текста. Функциональная нагрузка ключевых законодательных концептов состоит в том, что они используются в качестве заголовков статей УК РФ, например, в ст. 21 УК РФ в качестве структурных элементов заголовков и уголовно-правовых пред-

⁴ Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2009. С. 13–19.

⁵ *Всемирная энциклопедия : философия* / сост. А. А. Грицанов. М., 2001. С. 506.

писаний (ст. 22 УК РФ). В отдельных случаях законодательные концепты могут не иметь терминологического обозначения в тексте уголовного закона, например, «неудавшееся подстрекательство» (ч. 5 ст. 35 УК РФ). В таких случаях мысленный образ уголовно-правового объекта выражает доктринальный концепт.

В соответствии с законодательной текстологией тексты уголовно-правовых предписаний имеют два уровня: поверхностный (конструктивный) и глубинный (концептуальный). Наличие поверхностного уровня нормативных текстов УК РФ обуславливает необходимость обращения к имеющимся законодательным и доктринальным концептам, так как их совокупность образует понятийный аппарат уголовного права. Законодательные концепты являются конструктивными элементами уголовно-правовых предписаний и как таковые создают возможность глубинной (концептуальной) интерпретации нормативных текстов⁶. Доктринальные концепты в одних случаях выступают как средство интерпретации уголовно-правовых предписаний, в других — используются как средство формулирования новых концепций. Например, ст. 19 УК РФ содержит законодательный концепт «вменяемость», а доктринальными концептами являются полная, неполная и ограниченная вменяемость. Указанные концепты используются в качестве средства создания концепции ограниченной вменяемости лиц, имеющих психические расстройства, о которых речь идет в ч. 1 ст. 22 УК РФ. Количество законодательных концептов ограничено, так как они закреплены в Уголовном кодексе и обусловлены содержанием соответствующих институтов, а ключевые законодательные концепты используются в качестве конструктивных элементов заголовков и уголовно-правовых предписаний. Например, концепт «исполнитель преступления» фигурирует в наименовании ст. 36 УК РФ, в чч. 1, 2 ст. 33 и дважды — в ст. 36 УК РФ.

В современной уголовно-правовой литературе количество новых доктринальных концептов, имеющих отношение к институту соучастия в преступлении, сравнительно невелико, так как большинство уголовно-правовых явлений концептуализировано в процессе теоретических исследований и законопроектной деятельности. Концептуализация, о которой здесь идет речь, представляет собой способ использования эмпирических данных, обеспечивающий их теоретическое осмысление и тем самым дающий возможность двигаться от первичных уголовно-правовых концептов к выработке соответствующих концептуальных схем. В процессе

⁶ Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 9.

концептуализации мысленные образы объектов, имеющих уголовно-правовое значение, вначале объективируются в качестве доктринальных концептов (например, концепты «субъект уголовной ответственности», «третьи лица, используемые для совершения преступления», «лицо, совершившее совершению преступления»), а затем преобразуются в законодательные концепты («субъект преступления» (ч. 4 ст. 34 УК РФ), «лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц» (ч. 2 ст. 33 УК РФ), «пособник» (ч. 5 ст. 33 УК РФ)).

Поскольку данная статья посвящена концептуальности уголовного права, считаем необходимым обратить внимание: в науке уголовного права в ряде случаев вместо термина «концепция» используется близкий по значению термин «доктрина». В таких случаях понятие «уголовно-правовая доктрина» близко понятию «уголовно-правовая концепция», но при этом подчеркивает незыблемость соответствующей концепции.

Последнее, что следует отметить. Распространенным недостатком отраслевого правопознания является его концептуальная неотрефлексированность. Категории концептуальности, ее параметры, закрепленные в нормативном материале, во многих случаях начинающими исследователями рефлексированы недостаточно и не принимаются во внимание. В результате такие бесконцептуальные и, соответственно, внеметодологические исследования представляют собой компилятивный обзор чужих взглядов и традиционных точек зрения, необоснованно выдаваемых за новое (выводное) знание.

А. И. Бойко

ДИАЛЕКТИКА СТАБИЛЬНОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Аперитив. Общеизвестно, что преступность как основной предмет обслуживания уголовного права человечеству никак не удается взять под контроль, ввести в социально-терпимые рамки; напротив, она качественно прогрессирует и даже превратилась в препону развития всей цивилизации. Это обстоятельство служит существенным раздражителем общественного мнения, основанием постоянных попреков законодателю, ученым и практикам в их низкой квалификации, в рутинности культивируемых ими знаний, в неэффективности предлагаемых ими решений по борьбе с преступностью, предопределяет даже повестки дня мировых

Конгрессов ООН¹. Власти разных уровней используют все возможности пропаганды и фанфар, дабы вызвать доверие к себе плюс антикриминальный энтузиазм у населения и юристов, но тщетно.

Главное вязаться в драку, а там посмотрим (*Наполеон*). Рост объемов общественно опасного поведения и неспособность государства обеспечить эффективную защиту своих граждан от преступлений сопровождается, помимо прочего, активным и бессистемным² правотворчеством или негодной попыткой властей решать социальные проблемы директивным образом вместо ставки на саморегуляцию (остатки коммунальной нравственности, религиозные догмы, наставления старшего поколения, примеры подвижничества из прошлого, обряды и традиции, поговорки и пословицы, педагогическое влияние классической культуры), а в результате растёт рассогласованность многочисленных запретов и предписаний. Напомним, что советский УК РФ (1960 г.) самоуверенные реформаторы упразднили под тем предлогом, что из-за многочисленных (около 700 за 36 лет) поправок предшественников он лишился важного свойства системности, и этот довод действительно справедлив; но нынешний УК РФ изуродован новеллами до такого же уровня в три раза быстрее, причем в ст. ст. 171, 174, 205, 228 и 234 изменения вносились по 7 раз! И еще один неприятный факт: работающий на постоянной основе и обходящийся населению в несколько раз дороже современный парламент работает во много раз хуже критикуемого «кухаркиного» Верховного Совета РСФСР.

Politiae legibus, non leges politus adaptande³. Показательно, что обновление уголовного закона часто производится профессиональными депутатами не по насущным социальным показаниям, а по частным поводам и пресловутой политической прихоти. Так, 2 июля 1996 г., т. е. всего через две недели после подписания Б. Н. Ельциным нового УК РФ, на большом совещании специалистов по борьбе с преступностью в Институте проку-

¹ См., напр.: *Лунев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999 ; *Голик Ю. В., Коробеев А. И.* Преступность — планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб., 2006.

² *Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н. Ф., Комиссаров В. С., Лунев В. В.* Конституция — это закон и для Государственной Думы // *Гос-во и право.* 2007. № 5. С. 13 ; *Лунев В. В.* Истоки и пороки российского уголовного законотворчества. М., 2014. 320 с. ; *Милюков С. Ф.* О субъективизме и волюнтаризме в современной законотворческой деятельности // *Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники.* М., 2004. С. 51.

³ Политика должна согласовываться с законом, а не закон с политикой (лат).

ратуры Санкт-Петербурга тогдашние руководители правоохранительных органов страны с победным видом продемонстрировали смущенной аудитории 150 текстуально оформленных замечаний к только что принятому кодексу. Торжество момента испортил автор настоящей статьи: он попрекал докладчиков за то, что они оставили своих многочисленных подчиненных в удаленных от столицы городах и всяях наедине с заведомо некачественным текстом закона, не протестовали на аудиенциях у президента против сырого проекта УК РФ, а когда уже стало поздно, вдруг осмелели в безопасном кругу ученых и стали говорить о погрешностях только что принятого кодекса.

Возникший в России в начале реформ особый вирус — болезненная страсть к законодательствованию, прекраснотдушная надежда решать общественные проблемы величественным росчерком депутатского пера — продолжает свою сокрушительную поступь и в новом веке. Недавние поправки в УК РФ об ужесточении ответственности сотрудников МВД (п. «о» ч. 1 ст. 63, ст. 286¹), например, свидетельствуют об испуганном законодательном реагировании на отдельный криминальный случай. А если завтра в другом универсаме будет стрелять по людям не майор Евсюков из МВД, а вооруженный представитель ФСБ, Национальной гвардии, таможни, ФСО, Вооруженных Сил, Следственного комитета и т. д.? Если по-государственному к этому подходить, то повышенной ответственности заслуживают преступники из состава правящей партии (как бы она не называлась и кто бы ее не возглавлял), но не сотрудники МВД⁴. А уж они-то, разозленные представители элиты, обеспечат лучше угрозы Уголовного кодекса должное поведение сотрудников полиции и не допустят в ее ряды евсюковых.

Мораль: в уголовном праве, выделяющемся среди других юридических отраслей повышенной травмирующей силой, нет места для политических опытов и экзальтаций, «модернизаций» и пр. А задача отраслевой науки — поиск и пропаганда таких нормативных решений по борьбе с преступностью, которые отличались бы профессиональным рационализмом и совестью, а еще стабильностью, гарантирующей обывателям возможность планировать собственную жизнь, знание рамок пра-

⁴ Вождь предыдущего режима, узнавший о коррупции в исполнении большевиков, также пришедших к власти на волне недовольства населения, откликнулся на новое явление очень дельным предложением: «Тройной кары коммунистам!» (в тексте Полного собрания сочинений В. И. Ленина эти слова для увеличения назидательной силы набраны с разрядкой — автор).

вопослушного поведения и пределов ответственности за преступления. Кто знает — тот вооружен.

Почему же беспрестанно меняется текст УК РФ и повинна ли в том наша доктрина? Каузальный комплекс огромен. В нем нашлось место и для диалектики (вечного противостояния постоянства и перемен), и для проявления особенностей гуманитарного знания вообще (ущербного, любящего разменивать истину на пожелания вождей)⁵, но еще более — для субъективных причин. А они провоцируются тектоническими реформами и наследственной страстью восточных славян к революционным качелям (Д. С. Лихачев, И. А. Бунин); ну, не любим мы 300 лет подряд стричь газон, предпочитая устраивать на нем попеременно церковь, клуб, магазин, общественный туалет, музей, сауну, и все тут! В неэволюционные эпохи голос разума подавляется общественной экзальтацией, политическим прожектерством, необузданными социальными фантазиями, а юридическая наука неминуемо утрачивает беспристрастность и доверие граждан (А. А. Подберезкин, А. Я. Сухарев, В. М. Сырых, В. Д. Филимонов). Становится очевидным, что наш национальный Бог есть «бог всего, что есть некстати» (П. А. Вяземский), но не благоразумие. Удивительно, но страны СНГ, отставая от европейского экспресса в среднем на век, на чужих ошибках не учатся, не используют временной лаг с умом, механически заимствуют чужеземный опыт без учета национальных традиций (Ю. М. Лужков). Всегдашняя готовность обществоведов разменять истину на указания правящей элиты, их инстинктивная политическая преданность, генетическое желание любых идей жизненного переустройства, лишь бы они были транспортированы из-за рубежа (С. Ю. Витте), помноженные на общее грехопадение юриспруденции вследствие поголовного юридического образования молодежи и повального остепенения взрослых, здорово парализуют творческие способности даже порознь, а в совокупности — вовсе отбивают привычку думать (В. Г. Беляев).

Итак, **ставки во время начавшейся игры менять нельзя.** Человечество давно выстрадало одну из заповедей нормального управления: законы должны быть стабильными, ибо граждане вправе знать, что их ожидает в ближайшем будущем (санкции или награды, приобретения или потери) в зависимости от собственного юридически значимого поведения (уезжать за границу, покупать недвижимость, создавать семью, совершать подвиги или неблагоприятные поступки), и в соответствии с этим выстраивать свою жизнь на относительно длительную перспективу. В идеале каждому поколению выгодно иметь несменяемые правила совместного проживания!

⁵ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956. С. 529–534.

Эта истина распространяется и на область уголовного права. Вспомним оговорку В. Н. Кудрявцева, допущенную им при обсуждении оптимальной модели криминализации: «Нельзя не менять содержание закона: иначе он отстанет от жизни; в то же время нестабильность законодательства существенно ослабляет его эффективность»⁶. Ему вторит известный украинский криминалист: «Только на основе очевидной стабильности законодательства может образоваться стойкая, целеустремленная и прогнозируемая политика государства в сфере борьбы с преступностью»⁷.

Конечно, по калькам диалектики, **законы всегда будут отставать от «последнего слова» в проявлениях преступной воли** (А. Ф. Кони), ибо право суть «равная мера к заведомо неравным людям и обстоятельствам» (классики марксизма), ибо письменная форма существования права, именуемая законом, застывает на несколько десятилетий, а криминальная действительность за этот период далеко уходит вперед, ибо уголовно-правовые предписания суть запреты с ощутимыми санкциями, для обхода которых (сразу после внесения изменений в уголовный закон) злодеи специально выбирают варианты поведения, не прописанные в диспозициях УК РФ, ибо «петух встает рано, а злодей еще раньше» (К. Прутков). Таким образом, частичное несовершенство уголовного закона объективно, равно как естественна и необходимость его обновления. А с неизбежностью и боги не спорят (Питтак). Но объективные трудности развития социума, как часто бывает, а в сфере управления и законотворчества — бывает всегда, сопровождаются и субъективными причинами: бездумной инерцией, невежеством, корыстью, недисциплинированностью, ленью представителей всех ветвей власти. Их нужно преодолевать: с упреждением, последовательно и умно, т. е. целой системой мер. А как именно?

Критика легка — искусство мудрено (Буало). Если какая-то общественная проблема имеет вид диалектического противоречия (постоянно возобновляемая система соперничества многочисленных факторов объективного и субъективного порядка), ее разрешение возможно только в форме комплекса взаимосвязанных мероприятий, причем без гарантии стопроцентного результата, лишь с надеждой частичного сглаживания ситуации. По нашей информации, первыми учеными, обратившими

⁶ *Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев и А. М. Яковлев. М., 1982. С. 243.*

⁷ *Тацій В. Я. Стабільність та динамізм кримінального законодавства України як запорука його якості та ефективності // Основні напрями розвитку кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 11-12 жовт. 2012 р. / Редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. Харків, 2012. С. 7.*

внимание на противоречие между стабильностью и изменчивостью уголовного закона, а также предложившими свои варианты реагирования на него, были известные столичные криминалисты из МГУ⁸. С учетом содержания той давней публикации наиболее рациональное разрешение проблемы видим в следующих обязательных требованиях к уголовному правотворчеству: а) законодательствование не на сегодняшний день, а с упреждением; б) обязательное производство беспристрастных научных экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью; в) абсолютная необходимость криминологического обоснования всех изменений в УК РФ; г) использование таких языковых средств описания криминальных поступков, чтобы лексического запаса диспозиций хватало и на существующую, и на прогнозируемую преступность; д) законодательный эксперимент, означающий самый последний вариант парламентского реагирования на жизнь, в форме распространения новеллы только на часть территории страны.

Комментарий. Кратко представим заявленные варианты сближения свойства стабильности уголовного закона с требованием его перманентных изменений:

а) правотворчество с упреждением предполагает знание перспектив развития общества, в том числе количественных и качественных показателей преступности, что весьма трудно осуществить (властям одновременно нужно знать и учитывать направления и результаты реформ, экономические потрясения, международную обстановку, данные правоохранительной практики, демографию и экологию, миграционные потоки населения, проверять законопроекты на соответствие Конституции РФ и международным стандартам по борьбе с преступностью, согласовывать уголовно-правовые новеллы с содержанием бланкетных источников; просчитывать уголовно-правовые риски⁹ и давление общественного мнения, а также возможности государства по реализации принятых поправок в Уголовный кодекс);

б) сообщество криминалистов России, давно объединенное вокруг «Конгресса уголовного права», постоянно адресует претензии властям в том, что они отбирают для внешних экспертиз новелл УК РФ только политически ангажированных в желаемом направлении ученых, и пред-

⁸ Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. гос-во и право. 1976. № 8.

⁹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 400 с.

лагает для такой работы использовать своих представителей с последующими отчетами выдвиженцев на профессиональных форумах;

в) отсутствие репрезентативной криминологической базы для нововведений в УК РФ давно стало притчей во языцех в научных кругах и основным доводом критиков Госдумы — и это при наличии работающей Российской криминологической ассоциации во главе с А. И. Долговой;

г) известно, что для представлений об окружающей действительности и ее описания в текстах человек использует *обыденные слова* (1), номинационно жестко связанные с отражаемыми объектами, затем *термины* (2) или узкоспециализированные слова со строгим смыслом, предназначенные для описания целой группы предметов или явлений, в силу чего связь с действительностью становится дистанционной или нечеткой, и, наконец, *категории* (3) — предельно абстрактные слова, в которых связь с конкретикой бытия вообще не просматривается. Понятно, что слова и выражения последнего типа наиболее живучи, не зависят от частных колебаний жизни, дают интерпретаторам максимальную свободу в приложении языковых формул к событиям и фактам. Наконец, в текстах нормативных актов используются так называемые *оценочные слова* или *признаки* (4), которые представляют собой «неконкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела»¹⁰. С их помощью законодатель, знающий и ориентированный только на типовые случаи и среднестатистического гражданина, как бы передает свою монополию на криминализацию поступков территориальным юристам, сталкивающимся с неповторимыми и непредвиденными криминальными происшествиями;

д) эксперимент применяется в тех крайних случаях, когда полной уверенности в социальной адекватности дополнения или изменения УК РФ нет, а не реагировать на подвижки в криминальной сфере нельзя; чтобы сгладить вероятные издержки новеллы хотя бы частично, ее применение по территории ограничивается.

Итоговые соображения. 1. Стабильность (уголовного) закона — это его *идеальное* для нормального самочувствия народа состояние. 2. Но эволюция неизбежно требует обновления наших знаний, намерений и их письменных слепков (текстов), т. е. некоторого отступления от

¹⁰ Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе. Саратов, 2004. С. 97–98.

заданных прежде высоких образцов в пользу сегодняшнего дня, в котором предельные ожидания прошлого и тем более будущего отражаются заведомо не полностью. 3. В любом случае изменения в закон допустимы лишь по правилу «последнего довода»: когда «противоречие динамики общественной жизни и стабильности закона грозит перерасти в кризисное состояние»¹¹. 4. Для сближения идеального и жизненного вариантов управления (в данном случае — в сфере борьбы с преступностью) нужны щадящие методики, которых должно быть много и которые следует применять с умом. В общем, *sapienti sat*¹².

М. В. Бавсун

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сам факт постановки вопроса о выделении так называемого специального субъекта уголовной ответственности на первый взгляд может показаться вызывающим и в некоторой степени даже противоречащим современной уголовно-правовой доктрине. Однако путь, который избрал отечественный законодатель в рамках деятельности по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет сделать вывод об обратном. Если быть более точным, то речь необходимо вести о возникновении потребности расширения уже существующих сегодня пределов нашего представления о возможных особенностях уголовной ответственности, реализуемой по отношению к виновным в зависимости от совершаемых ими преступлений. Данный вывод следует из анализа тех изменений, которые были внесены в уголовный закон в последние несколько лет. Их тенденциозный характер свидетельствует о более акцентированном подходе законодателя к регулированию пределов уголовной ответственности, когда основанием для их расширения или, наоборот, сужения стала выступать не категория преступления и не личность преступника, а конкретный вид общественно опасного деяния.

¹¹ Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1 : монография. М., 2003. С. 13.

¹² Умный поймет (лат).

Среди примеров, иллюстрирующих наметившуюся тенденцию, следует указать: ч. 3 ст. 64, ч. 5 ст. 56, п. «а¹» ч. 1 ст. 73, ч. 5 ст. 78, п. «г» ч. 3 ст. 79, ст. 82, ч. 4 ст. 83, ч. 5 ст. 92, ч. 2 ст. 76¹ УК РФ. Все изменения, перечисленные выше, были внесены в текст закона в период с 2011 г. по 2014 г. Так, в 2011 г. в УК РФ была включена ст. 76¹, в 2013 г. нововведение коснулось ст. ст. 79, 83 УК РФ, а в период с 2014 г. по 2016 г. — остальных статей из указанного перечня. Таким образом, в УК РФ законодатель лишь в 2011 г. впервые выделил так называемого специального субъекта уголовной ответственности, когда изменение ее пределов стало осуществляться в зависимости от того, преступление какой группы было совершено. Зафиксировав данный факт и неоднократно продублировав его в течение нескольких лет, отечественный нормотворец тем самым указал на появление, по сути, нового способа дифференциации ответственности, который до этого хотя и существовал в действующем УК РФ, но был отчасти экзотикой. Необходимо при этом оговориться, что предпосылки для реализации данного подхода, безусловно, были — в виде особенностей привлечения к уголовной ответственности больного (в последующем — страдающего наркоманией (ст. 82¹ УК РФ)), крайне редких проявлений в нормах уголовного закона специального рецидива. Однако следует обратить внимание, что это не одно и то же, и отождествление традиционного для отечественного уголовного права индивидуального отношения к виновному в совершении преступления в соответствии с его характеристикой или особенностями личности с реализуемой идеей недопустимо.

До определенного момента в российском уголовном законодательстве существовали лишь фрагментарные, но в то же время прямые указания на наличие особого подхода к уголовной ответственности не в соответствии с личностью преступника и обстоятельствами совершения, а именно с самим деянием. Такое упоминание всегда содержалось в ч. 5 ст. 78 УК РФ и ч. 4 ст. 83 УК РФ, в которых устанавливался запрет на течение сроков давности и особое отношение к назначению наказания в виде смертной казни для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. ст. 353, 356, 357, 358, 361 УК РФ. Данные положения являлись традиционными для отечественной доктрины. Имея устоявшийся характер, они практически не трансформировались с развитием самого уголовного закона. Поэтому и отношение к ним было не менее категоричным, как к исключению из общего правила, а не как к обычному явлению. Между тем с 2011 г. то, что ранее носило характер исключения, начинает формироваться в самостоятельное направление дифференциации уголовной ответственности. И если ранее сложившаяся практика сводилась

к установлению особого отношения к уголовной ответственности за посягательства, представляющие, по мнению законодателя, максимальную опасность для общества, то в настоящее время эта позиция существенно корректируется, в том числе и в обратном направлении. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратиться к одной только ст. 76¹ УК РФ, которая демонстрирует исключительное (лояльное, ранее не свойственное российскому законодательству) отношение государства к ответственности лиц, совершивших преступления экономической направленности. Не вдаваясь в полемику по поводу появления в связи с существованием таких норм в УК РФ основ кастовости и возникающей в результате этого несправедливостью, необходимо лишь отметить сам факт начала движения иным курсом, реализация которого позволяет менять пределы ответственности как за наиболее, так и согласно позиции законодателя за наименее опасные посягательства.

Советский законодатель на решение проблемы дифференциации ответственности указанным способом изначально смотрел более широко. Так, в УК РСФСР в качестве прототипа исследуемого подхода можно указать на ст. 7¹ «Понятие тяжкого преступления», ч. 4 ст. 24 «Лишение свободы», ст. 24¹ «Особо опасный рецидивист», ст. 24² «Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду», ч. 4 ст. 48 «Давность привлечения к уголовной ответственности», ст. 51 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд», ч. 5 ст. 53 «Условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким», ст. 53¹ «Неприменение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким», ч. 5 ст. 55 «Условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким наказанием в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет» и некоторые другие нормы.

При этом анализ данных норм показывает, что практически во всех них демонстрировался комбинированный подход, позволявший дифференцировать ответственность за счет одновременного использования нескольких критериев, например личности виновного и того деяния, которое им было совершено. Так, в ч. 5 ст. 55 УК РСФСР речь шла не только о несовершеннолетнем, но и о тех преступлениях (конкретном перечне), которые он должен совершить. Такой же подход был характерен и для признания лица особо опасным рецидивистом (ст. 24¹ УК РСФСР) или для освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, когда в числе обязательных условий применения данной нормы законодателем указывалась характеристика личности и, наряду

с этим, совершение одного из преступлений, содержащихся в перечне (ст. 51 УК РСФСР). Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что сам по себе перечень преступных деяний не выступал в качестве критерия разделения ответственности. Да, он был обязательным, но в то же время всегда использовался законодателем в тех случаях, когда имелась совокупность факторов, объединяющих особенности личности преступника, обстоятельства совершения общественно опасного деяния и не в первую очередь уже сам перечень таких деяний.

Принципиально иным образом выглядит идея, которая находит свою реализацию в действующем законодательстве. Анализ норм показывает, что на первое место в процессе дифференциации ответственности часто ставится именно преступное деяние. Более того, вопросы личности виновного или обстоятельств совершенного им посягательства в самой норме не отображаются. Одним из наиболее ярких тому примеров является ст. 76¹ УК РФ, устанавливающая особые основания освобождения от уголовной ответственности для предпринимателей. Принадлежность совершаемого преступления к определенной группе выступает в качестве единственного основания для применения указанной нормы, что, естественно, вызывает вопросы о причинах такого отношения к деяниям именно данного рода. Подобный подход никогда не подвергался сомнениям, когда он был применим к преступлениям против мира и человечества в рамках правовой регламентации течения сроков давности. Связано это с тем, что особая общественная опасность таких посягательств всегда была очевидной, что позволило сформулировать вполне обоснованное предложение о необходимости выделения самостоятельной категории преступлений — исключительной тяжести¹. Характерным в этом случае является тот факт, что основанием для выделения такой категории выступает как раз само деяние. Между тем экстраполяция этого представления на иные группы посягательств не может восприниматься с подобным же воодушевлением. Реализация ранее уже существовавшего способа разделения ответственности возможна лишь в случаях как минимум устоявшегося мнения относительно той или иной крайности в оценке общественной опасности деяния, и не целых его групп, а отдельно взятых, единичных посягательств. Более того, это должно быть не просто мнение, а подтвержденные эмпирическим путем данные, касающиеся отдельно взятых преступных деяний, а не их списка, как это происходит сегодня.

¹ Михаль О. А. Классификация преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 5.

В то же время говорить о том, что экономические отношения для государства наименее значимы, а совершаемые в их отношении посягательства наименее опасны, неверно. Более того, непреложным является тот факт, что экономические отношения представляют собой как раз базис социального развития, а посягательства на этот базис априори не могут быть в меньшей степени опасными. Следует также отметить, что уже сам факт установления уголовно-правового запрета в уголовном законе свидетельствует об общественной опасности запрещенного им деяния. В связи с этим изначально неверно искусственно расширять полемику относительного того, что более, а что менее опасно, и только согласно такой оценке определять исключительные привилегии для одних и максимальную репрессию для других.

Хотя если уйти от анализа вносимых в последнее время в данном направлении в УК РФ изменений и остановиться только на самом факте их существования, то вывод о значительном расширении ранее фрагментарного способа дифференциации ответственности неизбежен. Такой способ сегодня существует, применяется и имеет все предпосылки для дальнейшего расширения в отечественном уголовном законе. Необходимо лишь указать, что его дальнейшая реализация имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Отрицательный аспект отчасти уже описан выше и сводится к субъективной оценке того, что более, а что менее опасно, и на основе этого к последующей трансформации пределов уголовной ответственности. В свою очередь, использование в качестве критерия дифференциации только деяния, при игнорировании обстоятельств совершения преступного посягательства и личности виновного, как раз и создает предпосылки для доминирования субъективного момента в ходе реализации данного подхода в уголовном законе. К сожалению, излишнее увлечение оценкой степени общественной опасности деяния, уже предусмотренного в УК РФ, с последующим изменением пределов ответственности далеко не всегда носит объективный характер, а в случае с экономическими преступлениями является следствием откровенного лоббирования лиц, представляющих интересы предпринимателей. Во многом такой вывод находит соответствующее подтверждение и на официальном уровне, а последующая реализация данной идеи служит результатом не объективной оценки, а того самого лоббирования, имеющего свое проявление в рамках отдельно взятых концепций, с последующей реализацией закрепленных в них идей уже на уровне уголовного законодательства².

² См., напр.: *Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)* / К. А. Цай [и др.]. // Центр стратегических разработок. М., 2017.

Безусловно, расширение нашего представления о возможностях дифференциации уголовной ответственности за счет применения именно такого способа имеет и свои положительные стороны. Особенно это касается тех посягательств, которые в мире традиционно относятся к категории наиболее опасных, что подтверждено не только эмпирическим путем, но и посредством медицинских, генетических и других видов исследований. В частности, вполне позитивными видятся в этом плане изменения, касающиеся пределов ответственности лиц, совершающих повторно преступления против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних³, а также посягательств экстремистской и террористической направленности. В отношении первой группы уже достаточно давно установлено, что сам факт совершения преступления данной направленности требует особых мер воздействия в отношении виновного. Как показывает мировой опыт, около 80% лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, после отбытия ими наказания вновь становятся участниками таких посягательств⁴. И это после специального и, как казалось бы, наиболее эффективного вида предупреждения. Вполне естественно, что законодатель вынужден в такой ситуации задумываться о повышении эффективности предупреждения преступлений этой группы. В свою очередь, поиск решения заставляет его действовать, в том числе способами, ранее практически не использованными. На первый план при этом выходят сведения об уже наработанной практике противодействия отдельно взятым посягательствам, а также вопросы эффективности такого противодействия, причем как на российском, так и на мировом уровне. И если способы воздействия на лиц, совершивших посягательства против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних, несмотря на все предпринимаемые усилия, так и не привели к сколько-нибудь значимым результатам, то вполне естественным является поиск новых решений. По крайней мере, в рамках достижения цели предупреждения совершения уже осужденным лицом новых преступлений реализация такого способа вполне себя оправдывает.

Что касается второй группы преступлений, то события последнего десятилетия отечественному законодателю просто не оставляют выбора и требуют от него в том числе и нестандартных или ранее неизвестных способов дифференциации уголовной ответственности. За счет этого в первую очередь предпринимается попытка обособления указанных групп

³ См. об этом более подробно: *Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации* : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 296.

⁴ *Times*, August 31, 1996 (6-a).

посягательств от других общественно опасных деяний и наглядной иллюстрации (как одного из средств информационного воздействия на общество) особого отношения государства к пределам ответственности за их совершение. Используемый законодателем способ трансформации пределов ответственности применим к любым как отдельно взятым деяниям, так и к их группам, в зависимости от изменения характера и степени их общественной опасности на определенный отрезок времени и отношения к ним со стороны общества и государства. В этом плане «специальный субъект уголовной ответственности» принципиально отличается от специального субъекта преступления. Первый может меняться по усмотрению законодателя, по большей части являясь выражением идеи целесообразности, а второй представляет собой категорию объективную, ни от чьего видения не зависящую. При этом адекватность законодательной оценки общественной опасности того или иного преступного посягательства вполне способна оказать серьезное влияние на дифференциацию уголовной ответственности, которая устанавливается за их совершение.

Между тем ключевым во всех случаях реализации исследуемого способа дифференциации уголовной ответственности является тот факт, что для лиц, совершивших преступления определенного рода, устанавливаются особые (специальные) правила ее реализации. Именно данное обстоятельство и позволяет вести речь о так называемом специальном субъекте уголовной ответственности, когда обеспечение целей наказания не представляется возможным за счет традиционных средств принуждения либо, наоборот, когда существует необходимость их корректировки в сторону понижения, как это происходит в случае с преступлениями экономической направленности. Отсюда следует и вывод о специальном субъекте уголовной ответственности, признаки которого сегодня в УК РФ можно найти применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, общественной безопасности, а также совершаемых против основ конституционного строя и безопасности государства.

Представляется, что при условии сохранения начал объективности данный способ дифференциации ответственности вполне может получить дальнейшее развитие в российском уголовном законодательстве. Обладая безусловным положительным потенциалом, его реализация позволит более индивидуально подойти к определению пределов уголовно-правового воздействия в зависимости от вида преступного посягательства, когда безотносительно тех или иных свойств личности виновного и при наличии лишь достаточных признаков субъекта преступления можно изменить

пределы ответственности. Полагаю, что со временем в отечественном уголовном законодательстве произойдет дальнейшее расширение возможностей использования способа разделения ответственности, когда основным критерием такого деления будет выступать общественно опасное деяние, сам факт совершения которого станет достаточным для трансформации пределов ответственности по отношению к лицу, признанному виновным. Эволюция данного вопроса показала, что тенденция к усилению контроля над преступностью за счет мер, а также средств и способов иного рода усиления ответственности или ее ослабления достаточно устойчива. Ее отражение в российском законодательстве — это лишь вопрос времени и политической воли, во многом определяющей быстроту развития указанного процесса и его качественный уровень.

Ю. Е. Пудовочкин

СИСТЕМА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ОПЫТ ДОКТРИНАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В последние годы лейтмотивом многих научных сочинений стала идея кризиса уголовного наказания и поиск путей и средств оптимизации мер правового воздействия на лиц, совершающих преступления. Одним из возможных направлений такой оптимизации может стать реализация отчасти уже артикулированного в науке предложения о закреплении в законе самостоятельной системы исправительных мер, которая существовала бы наряду с карательными, реститутивными и предупредительными мерами. Поддерживая эту идею, отметим, что, по нашему убеждению, ее воплощение должно основываться на следующих исходных тезисах (они же признаки исправительных мер уголовно-правового характера):

а) отсутствие в этих мерах элементов кары, т. е. преднамеренного причинения боли и страданий, их принципиально иное, нежели у наказания, целевое назначение;

б) публичный характер мер исправления, их обязательность, обеспеченность силой закона и государственного принуждения;

в) связь исправительных мер с преступлением и с особенностями личности виновного, их принадлежность к уголовной ответственности;

г) признание исправительных мер материально-правовым основанием для проведения с осужденным воспитательной и реабилитационной работы;

д) возможность назначения этих мер как самостоятельно, так и в совокупности с мерами уголовного наказания;

е) всеобщий характер таких мер, возможность их применения в случае совершения преступлений любой категории тяжести как несовершеннолетними, так и взрослыми.

С учетом сказанного попытаемся определить возможную систему исправительных мер уголовно-правового характера. Надо признать, что в отечественной науке не наблюдается единства мнений относительно того, что именно можно отнести к такой группе мер, равно как и нет четкого определения их сущности и предназначения.

Ф. Р. Сундуров указывает, что повышение ресоциализационного эффекта наказания можно было бы обеспечить путем введения уголовно-правовых мер, сопряженных с нравственно-психологическим воздействием на осужденного. При этом он формулирует примерный открытый их перечень: доведение приговора до публичного сведения; временное лишение политических, гражданских и семейных прав и др.¹

Иной подход, ограниченный рамками действующего закона, предлагает В. С. Егоров, который к мерам, именуемым им «превентивно-ресоциализирующими», относит ограничения, налагаемые при условном осуждении; принудительные меры воспитательного воздействия; принудительные меры медицинского характера². В самых общих чертах о внедрении исправительных мер в уголовное законодательство высказывается Д. А. Шестаков: прохождение курса психологической помощи (при выражении на то согласия осужденного) нужно предусмотреть в качестве одного из условий условного осуждения, а также условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы³. Более стройную систему предлагает В. Н. Бурлаков, относя к мерам исправления: лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности; обязанность поступить на работу, продолжить или пройти курс обучения; обязанность оказывать материальную поддержку семье (своей или потерпевшего); обязанность подлежать надзору (контролю) специального органа; ограничение досуга или определенные требования к поведению; помещение в специальное исправительно-реабилитационное учреждение; обязанность

¹ Сундуров Ф. Р. Уголовное наказание и его социальное предназначение в демократическом обществе // Российское уголовное право. СПб., 2005. С. 81.

² Егоров В. С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. М.-Воронеж, 2006. С. 207.

³ Шестаков Д. А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. СПб., 2006. С. 271.

пройти курс лечения (амбулаторное или стационарное) в связи с наличием психических расстройств, не исключающих вменяемости (включая алкоголизм, наркоманию)⁴.

Не углубляясь в критику представленных и иных научных позиций, предлагаем собственное видение решения проблемы. Полагаем, что систему исправительных мер могут составить: ограничение свободы и лишение права; лишение специального или почетного звания; меры социальной реабилитации и реинтеграции; помещение в специальное коррекционное (исправительно-реабилитационное, учебно-воспитательное) учреждение. Каждая из этих исправительных мер нуждается в кратком комментарии (развернутый анализ в данном случае вряд ли объективно возможен).

1. Ограничение свободы и лишение права.

В отечественном уголовном законодательстве ограничение свободы и лишение права отражены недостаточно полно, что, на наш взгляд, проявляется непосредственно на практике их применения: ограничение свободы как вид наказания применяется сегодня не более чем к 3% осужденных, а лишение права занимать определенные должности — к 2%.

Как известно, в качестве самостоятельного вида наказания в УК РФ позиционируется только лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В то же время иные апробированные зарубежной практикой варианты лишения права (например, лишение водительских прав и права управления транспортным средством, родительских прав и права быть опекуном или попечителем, избирательного права, права на владение и ношение оружия, права на охоту) российскому закону неизвестны. Полагаем, что здесь имеется резерв для совершенствования закона.

Что касается ограничения свободы, то с содержательной точки зрения это наказание (ст. 53 УК РФ) принципиально не отличается от мер, которые суд может назначить условно осужденному (ч. 5 ст. 73 УК РФ), за исключением того, что содержание наказания дано в законе исчерпывающим образом, а содержание ограничений при условном осуждении — открытым списком. В то же время правовая природа соответствующих ограничений принципиально различна: если в первом случае — это вполне определенно уголовное наказание, то во втором случае — не вполне ясно: то ли это самостоятельная мера уголовно-правового характера (В. С. Егоров), то ли часть условного осуждения как иной меры уголовно-

⁴ *Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью* / науч. ред. В. Н. Бураков, Б. В. Волженкин. СПб., 2005. С. 571.

правового характера (С. Г. Келина). Представляется, что подобная ситуация не может признаваться нормальной. Упорядочению ситуации будет способствовать новая теоретическая интерпретация условного осуждения как института замены уголовного наказания исправительной мерой — ограничением свободы. Этот шаг потребует определенной корректировки ст. 73 УК РФ, в том числе установления в качестве обязательной составляющей назначения условно осужденным соответствующих правоограничений или возложения на них специальных обязанностей. В настоящее время, как известно, такое назначение является для суда факультативным и в силу этого весьма часто критикуется в науке. Изменение нормативных конструкций в этой части позволит выстроить вполне логичную цепочку мер уголовно-правового характера и систему сдержек и противовесов между ними: уголовное наказание плюс исправительные меры — уголовное наказание без исправительных мер — условная замена наказания исправительными мерами — исправительные меры без уголовного наказания.

Особое внимание в таком случае следует уделить законодательному конструированию ограничения свободы и лишения права как самостоятельной исправительной меры. Во-первых, полагаем возможным объединить эти инструменты в рамках одной исправительной меры; во-вторых, установить исчерпывающий перечень прав и свобод, подлежащих ограничению; в-третьих, предельно четко описать основания и сроки применения данной меры.

К рассматриваемым мерам в своем содержании весьма тесно при-мыкает и такая принудительная мера воспитательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 91 УК РФ). Она раскрывается в законе посредством открытого перечня прав и свобод, которые могут быть ограничены в интересах исправления несовершеннолетнего правонарушителя. Сам по себе факт открытого списка правоограничений справедливо критикуется в отечественной науке, а потому без дополнительных аргументов мы можем лишь присоединиться к мнению тех авторов, которые настаивают на необходимости его нормативного ограничения.

Нас в данном случае в большей степени интересует иной аспект проблемы. Как правило, в литературных источниках принудительные меры воспитательного воздействия рассматриваются в качестве единой, относительно обособленной меры уголовно-правового характера. Вместе с тем по закону эта мера имеет перечневый характер, т. е. включает в себя ряд иных мер. Представляется, что в целях формирования по-

следовательной и внутренне непротиворечивой системы мер уголовно-правового характера недопустимо позиционировать в качестве отдельной, самостоятельной меры целый набор средств правового воздействия, применяемых в отношении подростков. В этом случае нарушаются законы формальной логики: за одну меру уголовно-правового характера выдается их группа, состав которой, кстати, весьма неоднороден. В связи с этим в науке уже не раз предпринимались попытки классификации принудительных мер воспитательного воздействия⁵. Полагая такой прием продуктивным и перспективным, считаем возможным изменить сам принцип законодательного конструирования списка мер, альтернативных наказанию. Он должен оформляться исходя из содержания мер, а не на основе возрастных характеристик субъекта ответственности. На наш взгляд, есть все теоретические основания к тому, чтобы ограничение досуга и установление особых требований к поведению «объединить» с ограничением свободы и лишением права и рассматривать в качестве общей, универсальной исправительной меры уголовно-правового характера, в равной мере применимой к взрослым и к несовершеннолетним (при этом закон может и, вероятно, должен установить различающийся порядок и основания применения этой меры в отношении лиц различного возраста).

2. Лишение специального или почетного звания.

Этим кратким наименованием мы объемлем установленное в УК РФ лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. В современном российском законодательстве, в соответствии с устоявшейся традицией, данная мера определена в качестве дополнительного уголовного наказания. Однако практика его применения фактически отсутствует.

Помимо законодательных ограничений (данная мера применяется только в случае осуждения за тяжкие или особо тяжкие преступления) и объективно неширокого круга лиц, имеющих соответствующие звания среди совершающих преступления, причина столь малых масштабов применения исследуемой меры видится нам в том, что, позиционируя лишение специального или почетного звания в качестве наказания, законодатель не учитывает ее откровенно слабый карательный потенциал. Дело в том, что рассматриваемая мера лишает человека некоторых предпочтен-

⁵ См., напр.: Оловенцова С. Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 10 ; Егоров В. С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. М.-Воронеж, 2006. С. 216.

ций, которые не принадлежали ему по рождению согласно Конституции, а были «дарованы» государством; иными словами, человек лишается некоего дополнения к своему правовому статусу, что крайне слабо связано с реальным ограничением или лишением осужденного прав и свобод. Можно констатировать, что по своей сути лишение специального или почетного звания гораздо ближе к мерам воспитательного, исправительного характера, а не к уголовному наказанию. Такое свойство лишения специального или почетного звания было отмечено многими специалистами⁶. Полагаем, что это верное направление в оценке данной меры, в силу чего целесообразно выделить ее из системы уголовных наказаний и позиционировать в законе в качестве исправительной меры уголовно-правового характера. Учитывая же специфику лишения специального или почетного звания, разумно сохранить за ней статус дополнительной меры, которая может сопровождать назначение уголовного наказания или иной основной меры уголовно-правового характера.

3. Меры социальной реабилитации и реинтеграции.

В настоящее время о таких мерах рассуждают, как правило, в связи с проблемами социальной адаптации лиц, освобождаемых от наказания, прежде всего лишения свободы. В таком контексте эти меры рассматриваются как важная часть индивидуальной профилактики рецидивной преступности. Отчасти проблемы ресоциализации исследуются и в связи с организацией воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе как часть процесса исправления осужденных, подготовки их к «жизни на свободе» и социальной помощи после освобождения от наказания. В некоторой степени именно на реабилитацию и реинтеграцию направлена рекомендация Верховного Суда РФ о возложении на условно осужденного несовершеннолетнего обязанности пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь гражданам (обучающимся, воспитанникам, детям), имеющим отклонения в развитии⁷.

⁶ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 766 ; *Энциклопедия уголовного права* : в 35 т. СПб., 2007. Т. 8 : *Уголовная ответственность и наказание* / под ред. В. Б. Малинина. С. 321 ; *Становский М. Н.* Назначение наказания. СПб., 1999. С. 63.

⁷ *О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Можно констатировать, что меры социальной реабилитации и реинтеграции медленно, но верно находят себе дорогу в системе мер государственного реагирования на преступление. Однако их применение носит разрозненный, несистемный характер, они плохо согласованы с уголовным законом, воспринимаются по большей части как меры возможные, необязательные, не уголовно-правовые.

Очевидно, что так быть не должно. Меры психологической и социальной помощи и поддержки должны занять достойное место в системе мер уголовно-правового характера, составить важную и неотъемлемую ее часть. Конечно, еще предстоит совместно с психологами и социальными работниками решить, какими именно должны быть эти меры. Но уже сейчас ясно: без развития психокоррекционных и социально-реабилитационных мероприятий невозможно обеспечить комплексного, всестороннего, а потому и качественного воздействия на лицо, совершившее преступление, в целях его исправления.

4. Помещение в специальное коррекционное (исправительно-реабилитационное, учебно-воспитательное) учреждение.

Эта мера мыслится нами как результат развития уже предусмотренной в законе меры, рассчитанной на подростков (помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение), итог распространения ее на все возрастные категории преступников.

Как известно, ст. 92 УК РФ, определяя основания и порядок помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение, с 2003 г. содержит положение о том, что такая мера «применяется как принудительная мера воспитательного воздействия». Это дополнение закона было призвано уточнить представление о правовой природе помещения в специальное учреждение.

Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение существенным образом ограничивает свободу несовершеннолетнего, требует соблюдения специальных условий режима, учебы, организации труда или лечения; в отличие от принудительных мер воспитательного воздействия, которые не предполагают систематического воздействия на подростка и не способны охватить всех воспитательных ситуаций, эта мера характеризуется комплексностью, систематичностью, большей интенсивностью, целенаправленностью; воспитательное воздействие в этом случае осуществляется профильными специалистами (педагогами, психологами, медицинскими работниками). Таким образом, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение — самостоятельная мера уголовно-правового характера.

Но даже если встать на позицию специалистов, признающих помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение принудительной мерой воспитательного воздействия, то в свете сказанного ранее о необходимости классификации таких мер и формирования общей, универсальной системы исправительных мер для лиц любого возраста потребуются реформирование принудительных мер воспитательного воздействия и дифференциация мер, установленных в ст. ст. 90 и 92 УК РФ. В этом случае также помещение в специальное учреждение будет определяться в качестве самостоятельной исправительной меры уголовно-правового характера.

Приданию рассматриваемой мере статуса самостоятельной будет способствовать и предлагаемое нами установление возможности назначения ее лицам, достигшим совершеннолетия. Само собой разумеется, что речь в данном случае не идет о помещении взрослых лиц в учреждения для подростков. Мы полагаем необходимым разработать и внедрить в уголовное законодательство технологии психолого-педагогической и социальной коррекции взрослых лиц в специальных закрытых учреждениях. Такие технологии еще должны быть разработаны с учетом имеющегося исторического опыта России и зарубежных стран.

Подводя итог исследованию вопроса о перспективах совершенствования предусмотренных уголовным законом исправительных средств, тезисно обозначим основные выводы:

— система исправительных мер должна быть сконструирована в законе в качестве относительно самостоятельной подсистемы мер уголовно-правового характера;

— исправительными следует считать такие меры, как ограничение свободы и лишение права; лишение специального или почетного звания; меры социальной реабилитации и реинтеграции; помещение в специальное коррекционное (исправительно-реабилитационное, учебно-воспитательное) учреждение;

— эти меры должны быть применимы как к взрослым лицам, так и к несовершеннолетним (в последнем случае возможны специальные правила назначения исправительных мер);

— необходима дифференциация исправительных мер на те, которые могут быть назначены вместо наказания в рамках уголовной ответственности (основные меры), и те, которые могут назначаться вместе с уголовным наказанием (дополнительные меры).

А. И. Ситникова

НОВОВВЕДЕНИЯ В ПРИМЕЧАНИЯХ К СТАТЬЯМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За период с 2013 г. по 2016 г. в уголовный закон 45 федеральными законами введено и отредактировано 104 примечания. При этом законодатель, помимо традиционных видов примечаний, где сформулированы дефиниции уголовно-релевантных понятий, денежные размеры ущерба, условия освобождения от уголовной ответственности и от наказания, вводит в оборот их новые конструкции, среди которых в соответствии с законодательным подходом к текстам можно выделить несколько видов.

Примечания-ограничители. Выполняют функцию уголовно-правовых предписаний, ограничивающих сферу действия конкретной статьи при наличии условий, указанных в примечании. Например, привлечение лиц к уголовной ответственности по ст. 314 УК РФ ограничено предписаниями, сформулированными в примечаниях 1, 2 к данной статье. Ограничивающим условием применения ч. 1 ст. 314 УК РФ является назначение виновному в качестве дополнительного наказания такого вида, как ограничение свободы. Реализация ч. 2 ст. 314 УК РФ возможна в случае, если принудительные меры медицинского характера применяются к лицу после отбытия наказания.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ законодатель ввел примечание к ст. 159 УК РФ, которое является примечанием-ограничителем: действия чч. 5–7 ст. 159 УК РФ распространяются на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательства, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Ограничивающим признаком рассматриваемого примечания служит указание законодателя на стороны договора, отсутствие которых исключает применение данной нормы в отношении названной категории лиц.

Комбинированное примечание. Состоит из компонентов, относящихся к разным видам примечаний. Так, примечание, введенное в ст. 131 УК РФ Федеральным законом 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, содержит два компонента: правило квалификации действий виновного и дефиницию беспомощного состояния потерпевшего лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Указанное правило устанавливает квалификацию деяний, выпадающих под признаки преступлений, предусмотренных чч. 3–5 ст. 134 и чч. 2–4 ст. 135 УК РФ, как изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера по п. «б» ч. 4 ст. 131 или п. «б» ч. 4

ст. 132 УК РФ. Дефинитивный компонент примечания определяет беспомощное состояние лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, как неспособность такого лица в силу возраста понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Квалификационное примечание содержит правило уголовно-правовой оценки наказуемого деяния. Данный вид примечания имеет место в п. 4 примечания к ст. 285 УК РФ, в котором сформулировано правило квалификации незаконных действий государственных и муниципальных служащих, не относящихся к числу должностных лиц. Противоправная деятельность таких субъектов квалифицируется по статьям главы 30 УК РФ в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части.

Калькулятивное примечание представляет собой предписание, в котором сформулированы правила расчета размера стоимости предметов преступления. Данный вид примечаний в уголовный закон введен дважды: Федеральным законом от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ и Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ. Примечание 3 к ст. 200¹ УК РФ содержит правило расчета размера незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов, а в примечании 2 к ст. 200² УК РФ сформулировано правило расчета размера стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Анализ нововведенных примечаний позволяет отметить следующее.

1. При формулировании примечаний-уточнений с указанием денежного эквивалента причиненного ущерба законодатель не учел требований законодательной техники по экономии нормативного материала. В результате нововведений тексты примечаний к ст. ст. 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 200³ УК РФ, в которых определены крупные и особо крупные размеры причиненного ущерба, неоправданно дублируют диспозиции преступлений. На наш взгляд, тексты примечаний-исключений должны формулироваться в традиционном виде, который соответствует правилам законодательной техники и воспринят юридическим сообществом. Таковыми следует признать примечания к ст. ст. 158, 159, 185 УК РФ и др.

2. Несмотря на исключение из уголовного закона в 2003 г. неоднократности преступлений, законодатель использует неоднократность в качестве описательного признака совершенного деяния не только в заголовках, диспозициях, но и в текстах примечаний. При этом обращает на себя внимание отождествление признаков *однократности* и *неоднократности* совершенных действий. Так, в примечаниях к ст. ст. 193, 193¹ УК РФ законодатель

признает совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ в крупном (особо крупном) размере, если денежные средства, превышающие 9 (45) млн рублей, незаконно переводились на счета нерезидентов с использованием подложных документов однократно либо неоднократно в течение года.

3. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 199-ФЗ введено примечание к ст. 242¹ УК РФ. В пункте 1 данной статьи сформулировано примечание-дефиниция. Требования законодательной техники к дефинициям обязывают нормотворцев формулировать их таким образом, чтобы законодательные определения выступали как необходимое условие точного понимания нормативного текста. Композиционно-графические недостатки примечания 1 к ст. 242¹ УК РФ свидетельствуют о недоработке этого нормативного текста. В данном примечании представлен перечень материалов и предметов, содержащих любое изображение или описание в сексуальных целях, признаваемых материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Этот перечень графически дифференцирован путем использования трех абзацных отступов. Более предпочтительным вариантом с точки зрения законодательной текстологии является абзацно-литерная композиция текста примечания с применением буквенной литерации. Использование данного приема конструирования позволяет выделить значимые в уголовно-правовом отношении компоненты примечания, максимально их актуализировать и облегчить восприятие алгоритма действий, заданных правоприменителю предписаний.

4. Обращает на себя внимание предписание, содержащееся в примечании 2 к ст. 134 УК РФ, которое введено Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Согласно данному примечанию виновному (виновной) не назначается наказание в виде лишения свободы за совершение полового сношения (ч. 1 ст. 134 УК РФ) или развратных действий (ч. 1 ст. 135 УК РФ) в отношении несовершеннолетних лиц, не достигших 16-летнего возраста, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет. Данное примечание создает парадокс правоприменения: при посягательстве на половую неприкосновенность лиц, не достигших 14-летнего возраста, виновное лицо, достигшее 14 лет, совершившее преступные действия, предусмотренные п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, а взрослое лицо, совершившее развратные действия или половое сношение с потерпевшим, не достигшим 16 лет, лишению свободы не подлежит. Фактически законодатель узаконил привилегию взрослых лиц

на применение к ним символических наказаний, не связанных с лишением свободы, в случае совершения ими ненасильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних при разнице в возрасте между ними в четыре года.

А. Г. Безверхов

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ В СОСТАВЕ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Из дореволюционной истории вопроса. «Корыстная цель» в качестве обязательного признака всех форм хищения чужого имущества была впервые закреплена в отечественном уголовном законодательстве конца XX в.

Законы царского периода не называли корыстную цель как конструктивный признак хищения (в то время — «похищение»). В статье 1626 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) читаем: «похищение чужого имущества, смотря по видам сего преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, кражей или мошенничеством». Согласно ст. 1644 этого законодательного акта «кражей признается всякое, каким бы то ни было образом, но в тайне, без насилия, угроз и вообще принадлежащих к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». Без указания на корыстную цель определялось в этом Уложении и мошенничество-похищение: «мошенничеством признается всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 1665).

В соответствии со ст. 581 Уголовного уложения 1903 г. под воровством понималось виновное похищение, тайно или открыто, чужого движимого имущества, в целях присвоения. По этому Уложению цель присвоения являлась обязательным признаком и мошенничества как похищения посредством обмана чужого движимого имущества (ст. 591), и разбоя как похищения чужого движимого имущества посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы (ст. 589).

Следует подчеркнуть, что дореволюционной доктрине была известна категория «цель присвоения», которая использовалась при построении теоретических конструкций и моделей составов похищения в трудах исследователей того периода. По этому вопросу А. Н. Круглевский писал: «В русском праве положение о необходимости цели присвоения для со-

става похищения является „положением права, принятых в науке мнений”¹. Вместе с тем при толковании положений уголовного закона цель присвоения нередко отождествлялась с корыстной целью. «Цель присвоения есть цель корыстная в обширном смысле *animus rem sibi habendi*; необходимо, чтобы виновный похищал чужое имущество для обращения его в свою собственность или для распоряжения им как собственным, чтобы таким образом сфера ценностей виновного увеличивалась, хотя бы на короткое время (напр., до отдачи другому), чужой ценностью без соответствующего эквивалента, т. е. безвозмездно. В таком безвозмездном расширении имущества виновного за счет потерпевшего заключается характерный признак всех корыстных против чужого имущества посягательств, между ними и похищения»².

Из положений советского законодательства. В УК РСФСР 1922 г. сохранились определения трех форм похищения (кражи, грабежа и разбоя) без упоминания о корыстной цели. Согласно ст. 180 этого УК под кражей понималось тайное похищение чужого имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения.

В главе VI «Имущественные преступления» данного закона присутствовала категория «корыстная цель». Она использовалась при характеристике следующих преступлений, не относящихся по этому УК к формам похищения: присвоения и растраты (ст. 185), мошенничества (ст. 187), подделки (ст. 189), фальсификации (ст. 190), самовольного пользования чужим изобретением или привилегией (ст. 198). Так, в ст. 187 УК РСФСР 1922 г. мошенничество определялось как получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана.

Аналогичный подход имел место в УК РСФСР 1926 г., с одной лишь разницей. Здесь корыстная цель указывалась в качестве обязательного признака следующих имущественных преступлений, также не относящихся к формам похищения: присвоения и растраты (ст. 168), подделки (ст. 170), фальсификации (ст. 171). Согласно ст. 168 УК РСФСР 1926 г. под присвоением понималось удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели.

¹ Круглевский А. Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб., 1913. С. 148.

² Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями министерства Юстиции в Государственный Совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 855.

УК РСФСР 1960 г. не упоминает о корыстной цели в главе 5 «Преступления против личной собственности граждан» и в первоначальной редакции указывает на нее лишь в одной статье главы 2 «Преступления против социалистической собственности». Это статья 92 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением», она предусматривала корыстную цель в составе лишь «должностного» хищения чужого имущества. Названное в ст. 92 преступление определялось так: «завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением».

Как известно, впервые общее понятие хищения чужого имущества было определено в Федеральном законе от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»³. Этим законом легальная дефиниция хищения была закреплена в п. 1 примечаний к ст. 144 УК РСФСР 1960 г. В качестве его обязательного признака законодателем была названа корыстная цель. В УК РФ 1996 г. дается аналогичное прежнему определение понятия хищения с некоторыми терминологическими уточнениями: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу имущества» (курсив мой. — А. Б.).

Об объеме понятия «корыстная цель». В уголовном праве России «корыстная цель» трактуется по-разному: как ограничительно, так и расширительно. Сторонники узкого толкования корыстной цели отталкиваются от лексического значения слова «корысть». В русском языке под корыстью понимается стремление к личной выгоде, наживе, приобретению, страсть к богатству, жадность к деньгам, а также материальная польза, барыш. В строгом смысле слова, корысть есть мотив поведения, выражающийся в стремлении лица к получению имущественной выгоды в свою пользу. В науке уголовного права высказано мнение: наличие корыстной цели указывает на то, что виновный действует из корыстных побуждений, ради удовлетворения своих собственных материальных потребностей⁴.

³ *Собрание законодательства Российской Федерации.* 1994. № 10, ст. 1109.

⁴ *Жижиленко А. А.* Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 47; *Скляров С. В.* Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // *Гос-во и право.* 1997. № 9. С. 67.

Несколько расширял объем понятия корыстной цели Г. А. Кригер. Он допускал обогащение в результате хищения других лиц, круг которых между тем строго ограничивал. Ученый писал, что при передаче имущества третьим лицам «виновный либо намеревается извлечь материальную выгоду путем последующего получения определенной части переданного имущества от третьих лиц либо его корыстные устремления удовлетворяются незаконным обогащением таких лиц, в судьбе которых преступник лично заинтересован (родственники, иждивенцы, друзья и т. п.)»⁵.

В современном уголовном праве России такого подхода придерживался Б. В. Волженкин. По его мнению, «корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: 1) в пользу виновного; 2) в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения»⁶. По сути, об этом же говорит Н. А. Лопашенко, несколько конкретизируя и уточняя соответствующий круг лиц: «Корыстная цель в хищении налицо, если виновный: 1) стремится к личному обогащению; 2) стремится к обогащению людей, с которыми его связывают личные отношения; 3) стремится к обогащению соучастников хищения; 4) стремится к обогащению людей, с которыми он состоит в имущественных отношениях»⁷. А. И. Бойцов, характеризуя анализируемый субъективный признак, указывает на возможное обогащение как физических, так и юридических лиц, тем самым еще более увеличивая логический объем рассматриваемого понятия. Он пишет, что «корыстная цель заключается в стремлении виновного к обогащению: а) лично себя; б) близких для него физических лиц, в улучшении материального положения которых он заинтересован; в) юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное благополучие; г) любых других лиц, действующих с ним в соучастии»⁸.

Сторонники расширительного толкования корыстной цели считают, что хищение чужого имущества влечет уголовную ответственность независимо от того, кто неправомерно обогатился или незаконно получил имущественную выгоду в результате его совершения — сам виновный или

⁵ Курс советского уголовного права: преступления против личности и ее прав : в 6 т. : Часть Особенная. М., 1975. Т. 5. С. 175.

⁶ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 153.

⁷ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности : теор.-приклад. исслед. М., 2005. С. 231.

⁸ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. III : Преступления в сфере экономики. С. 102.

другие лица (его соучастники, близкие ему люди либо иные физические лица, а равно юридические лица, что осознается субъектом преступления). Так, по мнению С. А. Тарарухина, законодатель не имел в виду, что хищение обязательно связано с непосредственным обогащением виновного; корыстную цель при хищении следует понимать не только как личную заинтересованность виновного, а в более широком смысле — как изъятие и обращение чужого имущества в пользу свою или других лиц⁹. Г. Н. Борзенков указывал: «Корыстная цель при хищении предполагает стремление обратить похищенное чужое имущество в свою собственность или собственность третьего лица. Корыстная цель в хищении реализуется как получение фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным»¹⁰.

Вероятно, в уголовном праве определение корыстной цели хищения чужого имущества должно выходить за рамки понятия удовлетворения собственных материальных потребностей, т. е. получить более широкое понимание. Это обосновывается тем, что общественно опасные корыстные устремления проявляются и получают распространение в обществе независимо от того, получена ли имущественная выгода лично преступником или третьими лицами, находящимися или не находящимися с последним в каких-либо отношениях. С юридической точки зрения корыстная цель должна указывать на то обстоятельство, что в результате совершенного хищения кто-либо из физических или юридических лиц незаконно обогатился, и это обстоятельство осознается виновным. Из широкого понимания корыстной цели не следует, что любое умышленное причинение материального ущерба составляет хищение или иное корыстное имущественное посягательство. Нет оснований квалифицировать содеянное как хищение в случаях завладения чужим имуществом в целях его повреждения или уничтожения либо самовольного использования в интересах собственника или владельца, из хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга, лежащего на собственнике этого имущества, или для возмещения причиненного собственником имущества ущерба, в целях склонить потерпевшего к возврату долга или принудить его к выполнению взятого на себя обязательства. Очевидно, что во всех указанных случаях корыстная цель отсутствует.

⁹ Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 95.

¹⁰ Курс уголовного права: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова : в 5 т. М., 2002. Т. 3. С. 417.

По мнению А. И. Рарога, широкая трактовка корысти противоречит взглядам законодательной и судебной власти¹¹. Между тем расширительное понимание корыстной цели следует из действующего УК РФ, который не утверждает, что хищение совершается в целях личной наживы или из личной заинтересованности. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ указывается, что хищение заключается в изъятии и (или) обращении чужого имущества *в пользу виновного или других лиц*. Что касается правоприменительной практики, то в соответствии с п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» под корыстной целью следует понимать стремление виновного изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться данным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц.

Конечно, прав С. А. Елисеев, указывая на несовершенство определения понятия корыстной цели в вышеприведенном источнике судебной власти¹². Упрек можно адресовать и законодателю, использующему спорную и многозначную категорию.

Однако зададимся вопросом: какую более удачную юридическую терминологию можно задействовать, чтобы одновременно подчеркнуть (1) особенности конструкции состава хищения чужого имущества по признакам объективной стороны, (2) момент окончания этого преступления, (3) реальный характер причиненного имущественного ущерба, (4) безвозмездность этого деяния, (5) наличие только прямого умысла и пр.?

Корыстная цель и мотив: юридико-технические вопросы соотношения. Возвращаясь к проблеме юридической конструкции «корыстная цель», замечу следующее. Цель преступления — это представление (предвосхищение) лица о желаемом результате, к достижению которого это лицо стремится и который им ожидается вследствие совершения общественно опасных действий (бездействия)¹³.

¹¹ *Энциклопедия уголовного права* : в 35 т. СПб., 2005. Т. 4 : Состав преступления. С. 761.

¹² Елисеев С. А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : мат-лы III Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 226.

¹³ По мнению А. И. Рарога, цель преступления — это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к которому стремится правонарушитель посредством совершения преступления (*Энциклопедия уголовного права*. Т. 4 : Состав преступления. С. 747).

При определении цели в тексте уголовного закона обычно указывается на какое-либо действие (бездействие), например, «в целях скрыть другое преступление» (ч. 2 ст. 105 УК РФ), «в целях сбыта» (ч. 1 ст. 186 УК РФ), «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам» (ч. 1 ст. 201 УК РФ).

Как видно, из этого правила есть исключение — указание в законодательном определении понятия хищения чужого имущества на корыстную цель (примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Очевидно, что здесь акцент сдвинут с поведенческой в сторону мотивационной формы преступного деяния.

Известно, что цель преступления — факультативный признак его субъективной стороны. В предусмотренных законом случаях она является обязательным признаком субъективной стороны определенного вида преступлений. В этом качестве цель неразрывно связана с другими признаками уголовно наказуемого правонарушения, характеризующими элементы его состава (объект, объективную и субъективную стороны). Так, цель хищения (ст. 162 УК РФ) свидетельствует о том, что данное преступление является предметным, и предметом его выступает чужое имущество. Цель влияет на конструкцию состава преступления по признакам объективной стороны, уточняет момент окончания преступного посягательства. Равным образом, как и наоборот, наличие или отсутствие общественно опасных последствий определяет содержание цели.

Замечено также, что строго определенные отношения складываются между целью и другими признаками субъективной стороны. В отечественной доктрине констатируется, что указание законодателя в статье Особенной части УК РФ на цель преступления означает, что это преступление может быть совершено только с прямым умыслом¹⁴. Разграничивая цель и мотив преступления, Б. С. Волков писал: «Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, цель определяет направление деятельности». Мотив предшествует цели и детерминирует последнюю. Вместе с тем этот ученый указывал, что «цель не возникает без мотива, но, с другой стороны, мотив, как и весь волевой процесс, получает свое содержание благодаря цели, вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит свое воплощение»¹⁵. Мотив как осознанная потребность — фундамент (основа), на котором возникает цель. Важно обращать внимание на связь между целями и мотивами преступлений. Так, «совершение преступления по корыстным мотивам всег-

¹⁴ См., напр.: *Курс уголовного права: Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой.* М., 1999. Т. 1 : Учение о преступлении. С. 345.

¹⁵ *Волков Б. С. Мотивы преступлений.* Казань, 1982. С. 7.

да преследует цель извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат»¹⁶.

Как усматривается из п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», корыстная заинтересованность есть стремление путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера.

С учетом вышеизложенного предлагается для обсуждения положение о возможном применении в законодательном определении понятия хищения чужого имущества таких юридических категорий, как «корыстная заинтересованность» или «корыстные побуждения».

О степени общественной опасности корыстного поведения. Как известно, корыстные преступления против собственности (ст. ст. 158–165 УК РФ) сопряжены с незаконным извлечением имущественных выгод и, соответственно, одновременно состоят в умышленном причинении или угрозе причинения имущественного ущерба. Нормативные положения об этих посягательствах размещены в главе 21 УК РФ на первом месте. Это обосновывается тем, что названные деяния признаются законодателем более общественно опасными, чем некорыстные преступления против собственности (ст. ст. 166–168 УК РФ).

Подчеркнем, что такой законодательный подход используется и при дифференциации уголовной ответственности за корыстные и некорыстные преступления, посягающие на иные правоохраняемые объекты. Например, отдельные виды получения взятки влекут более высокие сроки лишения свободы, чем насильственные служебные преступления. Согласно ч. 3 ст. 286 УК РФ превышение должностных полномочий с применением насилия, оружия или специальных средств наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет, а получение взятки в особо крупном размере в соответствии с ч. 6 ст. 290 УК РФ — до 15 лет; получается, что корыстное поведение в сфере служебных отношений признается даже более опасным, чем насильственное.

Между тем стремление к личной выгоде — неотчуждаемое право каждого участника рыночной экономики. Это естественный мотив экономического поведения в условиях действия рыночных закономерностей. Рыночная экономика на всех уровнях и во всех сферах построена на принципе экономической заинтересованности, выгоды экономических поступков. Поведение вопреки своей экономической выгоде является для рынка нетипичным. Таким образом, цель экономического

¹⁶ Энциклопедия уголовного права Т. 4 : Состав преступления. С. 736.

поведения — достижение максимально возможной выгоды. Обеспечение возможности максимальной выгоды — одно из требований к механизму социального регулирования рыночной экономики.

С юридической точки зрения данное положение означает, что проблема правовой оценки рыночного экономического поведения смещается с субъективной стороны в сторону объективную — способов и средств достижения указанной цели. Рост мотивации личной выгоды в легальном секторе рыночной экономики и, соответственно, признание личного интереса основным мотивом и регулятором экономического поведения, а максимизации личных доходов (прибыли) — правилом экономической деятельности частных лиц и организаций обуславливают снижение уровня опасности корыстного поведения в сфере теневой экономики.

С учетом рыночных экономических реалий законодателю не следует признавать корыстный характер хищений чужого имущества и других преступлений против собственности обстоятельством, усиливающим уголовную ответственность, и устанавливать более строгое уголовное наказание за имущественные посягательства на основании исключительно корыстной мотивации и целенаправленности последних. Стремление извлечь выгоду материального характера в сфере экономики не является низменным мотивом. Оно приобретает нетерпимый характер при преступных посягательствах на интересы личности, государственной власти, мира и безопасности человечества.

Новая экономическая парадигма, отражающая связь собственности с ограниченностью ресурсов социума, не дает достаточных оснований для оценки корыстных и некорыстных имущественных посягательств как противоправных деяний, существенно различающихся по уровню общественной опасности и вредоносности. Для экономической системы, основными целями функционирования которой являются предупреждение истощения необходимых для жизнедеятельности людей ограниченных ресурсов путем наиболее эффективного их производства, распределения и обмена, представляют одинаковую опасность как корыстные правонарушения, так и противоправные посягательства, не связанные с обогащением виновного или других лиц. Для участников хозяйственной деятельности и экономических процессов не имеет принципиального значения, корыстный или некорыстный характер носят посягательства на их экономические права и охраняемые законом имущественные интересы.

Наконец, понимание объекта имущественных правонарушений как отношений собственности по обеспечению оптимального удовлетворения потребностей людей при рациональном использовании экономических

благ также не определяет более высокий уровень опасности корыстных имущественных посягательств по сравнению с нарушениями отношений собственности, не связанными с получением материальных выгод.

Л. В. Готчина

О САНКЦИЯХ СТАТЕЙ 228–234¹ УК РФ

Среди проблем российского общества по-прежнему следует назвать наркоугрозу.

Обострение внешнеполитической ситуации, увеличение числа социальных проблем выступают сегодня в качестве факторов, отвлекающих от наркоугрозы. Однако недооценивать ее нельзя. Эффективное противодействие наркопреступности возможно лишь при оптимальном соотношении репрессивного механизма, степени ужесточения нормативных правовых норм и реальной оценки наркоситуации в России.

Анализируя ст. ст. 228–234¹ УК РФ, приходим к выводу о необходимости корректировки их санкций. При этом отметим, что ужесточение уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков не снижает значительно уровня наркопреступности, вызывая среди ряда специалистов непонимание.

Так, ч. 3 ст. 228 УК РФ предусматривает основное наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 15 лет, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ — пожизненное лишение свободы, ч. 4 ст. 229 УК РФ — лишение свободы сроком от 15 до 20 лет, ч. 4 ст. 229¹ — пожизненное лишение свободы. Для сравнения: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ — лишение свободы на срок от 6 до 15 лет. Из этого можно сделать вывод, что жизнь человека сегодня представляет наименьшую ценность.

Обращение к международным документам дает некоторые разъяснения по поводу назначения наказания. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹, принятая 4 ноября 1950 г., в ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» закрепила условия лишения свободы. В соответствии с п. 1е оно может применяться как «законное заключение под стражу лиц в целях предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг».

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

Не менее важны и положения Европейской социальной хартии 1961 г.², принятой в целях укрепления европейского единства в социальной области. Согласно п. 1 ст. 11 «Право на охрану здоровья» государство обязуется устранять «насколько это возможно, причины плохого здоровья». Это обязательство «может быть выполнено при наличии надлежащей системы здравоохранения, специальных мер по защите здоровья матерей, детей и лиц пожилого возраста, а также общих мер, направленных на... борьбу с алкоголизмом и наркоманией»³. Одним из ее элементов является привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении наркопреступлений.

В УК РФ к статьям, содержащим нормы о преступных деяниях, связанных со склонением к потреблению запрещенных веществ и средств, посягающих на здоровье населения, относятся: 228¹, 230, 232, 234, 234¹.

Статья 232 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Однако там подростки и молодежь также употребляют и распространяют сильнодействующие и ядовитые вещества⁴. Поэтому предлагаем переименовать анализируемую статью следующим образом: «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также сильнодействующих или ядовитых веществ» с аналогичным изложением ее первой части.

Очевидность общественной опасности наркопритонов отмечает докторами юридических наук О. Р. Афанасьевой и М. В. Гончаровой: «в притонах в употребление наркотиков вовлекаются новые лица»⁵.

² *Европейская социальная хартия*. Страсбург, 1996 (Перевод на русский язык предоставлен Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Конвенция на английском языке опубликована не была).

³ *Фролова Н., Халлберг Т., Зазулин Г.* Практика антинаркотической деятельности городов и направления ее совершенствования. М., 2005. Вып. 1. С. 26.

⁴ *Готчина Л. В.* Некоторые оценки понятийного аппарата проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2014. № 3(30). С. 61.

⁵ *Афанасьева О. Р., Гончарова М. В.* Криминологические проблемы предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых на территории Московской области // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона* : сб. мат-лов третьей всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. М., 2016. С. 151.

Продолжая приводить доводы о необходимости изменения содержания ст. 232 УК РФ, отметим, что сильнодействующие и ядовитые вещества могут в притоне не только потребляться, но и использоваться при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ. И потому они могут относиться к прекурсорам в соответствии с постоянно изменяющимся Списком прекурсоров. В связи с этим сформированы «общие меры контроля для всех прекурсоров и специальные виды контроля для отдельных прекурсоров, но не как для прекурсоров, а как для сильнодействующих и ядовитых. Однако указанной дифференциации мер явно недостаточно»⁶. А. В. Федоров предлагает «вещества, включенные в действующий Список прекурсоров, дополнительно разнести по разным таблицам, как это сделано в Конвенции 1988 г., или более, чтобы, помимо общих мер контроля, установить дифференцированные специальные меры контроля для отдельных видов прекурсоров, именно как для прекурсоров, а не сильнодействующих и ядовитых»⁷. С таким предложением нельзя не согласиться. Во-первых, это приблизит наше законодательство к международному. Во-вторых, упростит правоприменительную процедуры ознакомления со списками запрещенных веществ и средств, посягающих на здоровье населения, сократит сроки расследования уголовных дел. В-третьих, не исключает предусмотренной Конвенцией 1988 г. возможности осуществления других национальных необходимых мер по контролю за изготовлением и распространением прекурсоров.

На наш взгляд, за преступные деяния, связанные со склонением к потреблению запрещенных веществ и средств, посягающих на здоровье населения, предусмотренные ст. ст. 228¹, 230, 232, 234, 234¹ УК РФ, должно назначаться более жесткое наказание. Эти преступления представляют особую опасность для молодежи. При этом отметим, что ст. 234¹ УК РФ пока не применяется, перспектива ее реализации ничем не подкреплена⁸, о ряде проблем ее правоприменения более подробно можно ознакомиться в статье А. В. Федорова⁹. Тем не менее по своей конструкции рассматриваемая статья относится к группе статей, регламентирующих уголовную ответственность

⁶ Федоров А. В. О необходимости дифференциации мер контроля за оборотом отдельных видов прекурсоров // Наркоконтроль. 2007. № 2. С. 11.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Готчина Л. В. О перспективах противодействия наркопреступности в связи с упразднением ФСКН России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С. Ф. Кравцова) : мат-лы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 274.

⁹ Федоров А. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. 2015. № 2(39). С. 3–16.

за преступные деяния, связанные со склонением к потреблению запрещенных веществ и средств, посягающих на здоровье населения. Менее суровое наказание, по сравнению со склонением к наркопотреблению, должно быть предусмотрено за преступные действия с запрещенными веществами и средствами для личного потребления («для себя»).

Таким образом, необходим дифференцированный подход к уголовной ответственности за деяния в сфере незаконного оборота наркотиков, учитывающий разный уровень общественной опасности таких преступлений. Поэтому законодателю требуется пересмотреть санкции ст. ст. 228–234¹ УК РФ. Это, во-первых, будет способствовать повышению эффективности контроля за подобными деяниями, обеспечивающего интересы общества в наркобезопасности. Во-вторых, устранил внесенные законодателем в УК РФ новеллы, не характеризующиеся последовательностью. В-третьих, исключит наблюдаемые изменения уголовной ответственности за одни и те же деяния. В-четвертых, восстановит нарушенное соотношение системы ценностей, защищаемых уголовным законом.

Н. А. Егорова, А. Г. Егоров

НОВЫЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее — Федеральный закон № 375-ФЗ) в Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) внесены изменения и дополнения, направленные на усиление борьбы с терроризмом. Они довольно многочисленны, поэтому остановимся лишь на наиболее значимых, связанных с появлением в УК РФ двух новых статей: ст. 361 («Акт международного терроризма») и ст. 205⁶ («Несообщение о преступлении»). В ноябре 2016 г. в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ (далее — Постановление № 1) были внесены коррективы, связанные с принятием указан-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных новелл, но вопросы квалификации именно этих двух преступлений не были затронуты.

Название ст. 361 УК РФ не совсем точно, поскольку: 1) не соответствует диспозициям ее первой и второй частей; 2) не отражает сути международного терроризма.

В части 1 ст. 361 УК РФ акт международного терроризма получил следующее описание: «Совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий».

Как известно, терроризм не отдельное преступление, а феномен, существующий в разнообразных формах. Принимая во внимание определенное (и вполне ожидаемое) сходство ч. 1 ст. 361 УК РФ с ч. 1 ст. 205 УК РФ, можно предположить, что в процитированном фрагменте речь идет лишь о таком проявлении терроризма, как террористический акт.

В части 2 ст. 361 УК РФ установлена уголовная ответственность за *финансирование* деяний, предусмотренных ч. 1 указанной статьи, и *вовлечение* в их совершение. И финансирование террористических преступлений, и вовлечение в их совершение, конечно, представляют собой формы терроризма, но вряд ли могут быть названы актами терроризма.

На первый взгляд использование в названии ст. 361 УК РФ термина «терроризм» обоснованно, поскольку в диспозициях ч. 1 и ч. 2 данной статьи предусмотрена ответственность за два уже известных российскому уголовному праву самостоятельных преступления: террористический акт и содействие террористической деятельности, обладающих признаками, которые, по мысли законодателя, придают названным деяниям свойства международного преступления. Но тогда почему в рассматриваемой статье отдельные основания уголовной ответственности введены только для этих форм терроризма? А такие деяния, как публичные призывы к осуществлению международной террористической деятельности или публичное оправдание международного терроризма, должны квалифицироваться по ст. 205² УК РФ; прохождение обучения в целях осуществления международной террористической деятельности — по ст. 205³ УК РФ; организация террористического сообщества и участие в нем в целях совершения акта международного терроризма — по ст. 205⁴ УК РФ; организация деятельности международной тер-

рористической организации и участие в деятельности такой организации — по ст. 205⁵ УК РФ.

При этом вовлечение в преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 361 УК РФ, может быть квалифицировано и по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, и по ч. 2 ст. 361 УК РФ, санкции которых абсолютно одинаковы. Разрешить эту проблему не может ни одно из известных правил квалификации преступлений при конкуренции норм.

Введение ст. 361 УК РФ породило конкуренцию норм о финансировании терроризма (также см. ч. 1 ст. 205¹ и ч. 2 ст. 361 УК РФ). Примечание 1 к ст. 205¹ УК РФ дает основания для вывода, что при финансировании международного терроризма должна применяться именно ч. 2 ст. 361 УК РФ. В перечне преступлений, содержащемся в данном примечании, ст. 361 УК РФ отсутствует.

С появлением ст. 361 УК РФ возникли и другие квалификационные проблемы. Например, как квалифицировать вовлечение в преступление, предусмотренное ст. 361 УК РФ, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, — по ч. 2 ст. 361 или по ч. 2 ст. 205¹ УК РФ? Верхний предел санкции ч. 2 ст. 361 — десять лет лишения свободы (тяжкое преступление); санкции ч. 2 ст. 205¹ УК РФ — пятнадцать лет лишения свободы (особо тяжкое преступление). Поскольку ст. 361 УК РФ упоминается в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, а степень общественной опасности международного терроризма как минимум не ниже уровня общественной опасности терроризма обычного (условно назовем его так), применению подлежит ч. 2 ст. 205¹ УК РФ.

Ни международным правом, ни юридической наукой не выработан единый подход к содержанию понятия «международный терроризм», однако в наиболее известных определениях он трактуется гораздо шире, чем в ч. 1 ст. 361 УК РФ².

Например, согласно «Акту о борьбе с международным терроризмом», принятому Конгрессом США, международный терроризм характеризуется тем, что «угроза или попытка такового происходят или имеют последствия вне территории государства, где преступник имеет гражданство; или вне пределов территории государства, против которого акт направлен; или на территории государства, против которого акт направлен, но предполагаемый преступник знает или должен знать, что лицо, против которого акт направлен, является иностранцем (для государства места совершения преступления); или на территории любого государ-

² См., напр.: *Волеводз А. Г.* Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО – Университета. 2014. № 2. С. 151–152.

ства, когда совершение акта было поддержано из-за рубежа независимо от гражданства предполагаемого преступника»³.

В Руководстве по борьбе с международным терроризмом, разработанном Интерполом, перечислены следующие признаки международного террористического акта: «цели, объявленные террористами, затрагивают несколько стран; начало и окончание преступления включают в себя несколько стран; средства преступной деятельности поступают из другой страны; ущерб наносится нескольким странам или международным организациям; жертвами преступления становятся граждане различных стран или участники мероприятий, проводимых международными организациями»⁴.

Иными словами, квалифицировать акт терроризма как международный можно и тогда, когда он направлен против граждан других государств, а не только России, и необязательно при этом он должен быть совершен вне пределов Российской Федерации. Например, в качестве акта международного терроризма в литературе расцениваются события, имевшие место в г. Беслане (т. е. на территории России) 1 сентября 2004 г.⁵

Несколько иначе, чем в ст. 361 УК РФ, решается вопрос о признаках состава международного терроризма в уголовном законодательстве зарубежных государств.

Так, в ст. 126 УК Республики Беларусь международный характер террористического акта связывается только с местом и специфичной целью совершения данного преступления: «Организация совершения либо совершение *на территории иностранного государства* (здесь и далее курсив наш. — Н. Е., А. Е.) взрыва, поджога или иных действий, направленных на уничтожение людей или причинение телесных повреждений, разрушение или повреждение зданий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи или другого имущества *в целях провокации международных осложнений, войны или дестабилизации внутреннего положения иностранного государства*, либо убийство или причинение телесных повреждений государственным или общественным деятелям иностранного государства, либо причинение вреда их имуществу с той же целью (международный терроризм)...»⁶. Как видно из диспозиции статьи, граждан-

³ Цит. по: Самович Ю. В. О понятии «международный терроризм» // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 361. С. 121.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право. М., 2010. С. IV.

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: http://belzakon.net/Кодексы/Уголовный_Кодекс_РБ/Статья_126 (дата обращения: 14.11.2016).

ство потерпевших не имеет значения для квалификации содеянного как международного терроризма; юридически значимы только место и цель совершения преступления.

Такой же подход к пониманию международного терроризма наблюдается в ст. 389 УК Республики Армения: «Международный терроризм, т. е. организация или осуществление *на территории иностранного государства* взрыва или поджога либо иных действий, направленных на уничтожение людей или причинение им телесных повреждений, уничтожение или повреждение зданий, сооружений, дорог и коммуникаций, средств связи или иного имущества, совершенный *в целях разжигания международных осложнений или войны либо дестабилизации внутренней обстановки иностранного государства...*»⁷.

Только со специальной целью связано признание террористического акта международным терроризмом в УК Республики Македония (ст. 419). Совершившим акт международного терроризма признается «лицо, которое *с намерением нанесения вреда какой-либо иностранной государственной или международной организации* совершает похищение иностранцев или какие-либо иные акты насилия, вызывает взрыв или пожар, или каким-либо другим общепасным действием или общепасным способом создает опасность для жизни людей и для имущества»⁸.

Деяние в составе террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) выражается в совершении «взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий», а также угрозе совершения указанных действий.

Законодательное описание деяния в составе акта международного терроризма (ч. 1 ст. 361 УК РФ) иное: «...совершение... взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации... а также угроза совершения указанных действий».

Вполне обоснованно, на наш взгляд, в характеристике объективной стороны акта международного терроризма отсутствует такой признак, как «устрашение населения». Названный признак объективной стороны едва ли заслуживает специального упоминания и в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

⁷ Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № ЗР-528. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#33> (дата обращения: 14.11.2016).

⁸ Цит. по: *Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М., 2010. С. 284–285.*

Действия, образующие террористический акт, объективно способны вызвать страх у многих людей⁹, поэтому не стоит особо упоминать об этом. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ понимает под устрашающими население «действия, которые по своему характеру *способны* вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т. п.» (п. 2 Постановления № 1).

Актами международного терроризма (разумеется, при наличии цели, указанной в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ, либо направленности против интересов России) могут признаваться действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, личную свободу граждан РФ: убийства российских дипломатов¹⁰, обстрелы зданий российских посольств и любых других учреждений, где заведомо для виновных находятся российские граждане; массовые акции, перерастающие в массовые беспорядки, сопровождающиеся стрельбой, взрывами, поджогами, погромами и т. п., совершаемые в непосредственной близости от таких зданий, мест расположения воинских частей РФ; блокирование зданий и сооружений, где проживают или работают граждане России, а равно угрозы совершения подобных действий.

Несколько сложнее обстоит дело с толкованием понятия «неприкосновенность граждан Российской Федерации». неприкосновенность личности многоаспектна: это неприкосновенность не только телесная, но и духовная, а также неприкосновенность частной жизни, собственности¹¹. По российскому уголовному праву на уровне самостоятельных норм УК РФ защита предоставляется отдельным видам неприкосновенности: личности — например, телесной (ст. ст. 116, 116¹ УК РФ), половой (ст. ст. 131–135 УК РФ), частной жизни (ст. ст. 137, 138, 139 УК РФ), собственности (ст. ст. 158–168 УК РФ). Упоминание в ч. 1 ст. 361 УК РФ о неприкосновенности значительно расширяет рамки международного

⁹ См., напр.: *Полный курс уголовного права* : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. IV : Преступления против общественной безопасности. С. 48 ; *Виноградов А. В., Котов А. М.* Вопросы совершенствования уголовного законодательства о преступлениях террористической направленности // *Экономика, социология и право*. 2016. № 5. С. 84.

¹⁰ См., напр.: *Убийство* российского посла в Анкаре. Главное. URL: <http://www.interfax.ru/world/542117> (дата обращения: 17.01.2017).

¹¹ См., напр.: *Пустовалов П. Ю.* Понятие и юридическая природа права на неприкосновенность личности // *Юрист-Правоведь*. 2009. № 1. С. 111, 114 ; *Пляхимович И. И.* Права на свободу, неприкосновенность, достоинство личности, их гарантии и ограничения // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2013. № 2. С. 43.

терроризма. Так, данной статьей могут быть охвачены: необоснованное воспрепятствование выезду граждан России из иностранного государства; уголовное преследование, связанное с применением мер процессуального принуждения, ограничивающих свободу и личную неприкосновенность граждан России (задержание и содержание под стражей, проведение в их жилище следственных действий); отобрание детей у российских граждан; кибератаки на электронные ресурсы, содержащие личную информацию высших должностных лиц Российской Федерации или российских дипломатов; прослушивание их телефонных переговоров, изъятие их имущества и т. п. Причем правомерность подобных действий с точки зрения законодательства государства, на территории которого они совершаются, видимо, не имеет значения для квалификации по ст. 361 УК РФ (см. чч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ).

По «букве» уголовного закона такие действия, как взрыв, поджог, а равно иные действия, подвергающие опасности перечисляемые далее блага (жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность), принадлежащие гражданам Российской Федерации, могут как совершаться в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов, так и быть направленными против интересов Российской Федерации. Если учесть широту понятий «свобода» и «неприкосновенность» личности, то «иные действия, направленные против интересов Российской Федерации» могут быть самыми разнообразными.

Не вполне ясно также, к какому элементу состава (объективной или субъективной стороне) относится признак направленности против интересов Российской Федерации. Если достаточно объективной антироссийской направленности действий, перечисленных в ч. 1 ст. 361 УК РФ, то возможный набор вариаций актов международного терроризма расширяется безгранично (такowymi можно признать, например, принятые в рамках антироссийских санкций запреты должностным лицам РФ, российским деятелям культуры въезжать в ту или иную страну, поскольку это ограничивает свободу передвижения указанных лиц). Если же под направленностью деяния против интересов России подразумевается цель преступления, возникает не менее сложная ситуация оценки целей виновных как антигосударственных либо лишенных такого свойства.

Значит, в части указания на «иные действия, направленные против интересов Российской Федерации», а равно на угрозу их совершения ч. 1 ст. 361 УК РФ трактуется чрезмерно широко, что позволяет охарактеризовать ее диспозицию как неопределенную.

Обычный и международный терроризм различаются по целям. Если цели террористического акта — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, то целью акта международного терроризма выступает нарушение мирного сосуществования государств и народов. Очевидно, что цель нарушения мирного сосуществования народов, понимаемых как этносы, вполне может быть поставлена (и, к сожалению, достигнута) при совершении обычного террористического акта на территории многонационального Российского государства.

Нельзя не отметить, что в российской доктрине уголовного права имеют место иные, отличные от закрепленной в ст. 361 УК РФ трактовки международного терроризма, лишённые отмеченных недостатков и потому более удачные. Например, А. Г. Волеводз предлагает следующую формулировку: «Международный терроризм — совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, на территории более чем одного государства или наносящих значительный материальный ущерб интересам более чем одного государства, либо гражданами одного государства (лицами без гражданства, постоянно проживающими на его территории) в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, либо если лицо, совершившее одно из названных преступлений, и потерпевший являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств»¹².

К сожалению, редакция ч. 1 ст. 361 УК РФ далека от такого подхода.

В части 3 ст. 361 УК РФ установлена ответственность за «деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие причинение смерти человеку». В отличие от п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, где содержится прямое указание на умысел, здесь такого указания нет, т. е. здесь мыслимы обе формы вины по отношению к смерти потерпевшего — и умысел, и неосторожность. Однако тождественность санкций ч. 3 ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 361 УК РФ заставляет усомниться в правильности такого вывода. К тому же знание сущности терроризма¹³, его целей

¹² Волеводз А. Г. Международный терроризм: предпосылки криминализации в российском законодательстве // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : мат-лы IX Российского Конгресса уголовного права (29–30 мая 2014 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2014. С. 135.

¹³ Так, Ю. М. Антонян отмечает: «Само террористическое убийство, как правило, является посягательством не против конкретной личности, а против самой жизни» (Антонян Ю. М. Терроризм. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 1998. С. 19).

и средств их достижения позволяют оценить конструкцию террористического акта, повлекшего *по неосторожности* смерть человека, как искусственную, оторванную от реальности¹⁴.

Отмеченные несовпадения признаков двух видов террористического акта никак не мотивированы в пояснительной записке к законопроекту № 1039101-6, который был положен в основу Федерального закона № 375-ФЗ.

Полагаем, что до появления ст. 361 УК РФ не было никаких препятствий для квалификации предусмотренных ею деяний по ст. 205 или ст. 205¹ УК РФ либо другим статьям российского уголовного закона. Это позволяли такие принципы действия уголовного закона в пространстве, как принцип гражданства (ч. 1 ст. 12 УК РФ) и реальный принцип (ч. 3 ст. 12 УК РФ). Поэтому введение рассматриваемого запрета было излишним. Статья 361 УК РФ — пример отступления от таких правил конструирования составов преступлений, как согласованность с иными предписаниями уголовного права и недопустимость создания избыточных составов преступлений¹⁵.

В качестве основных недостатков ст. 205⁶ УК РФ называют поощрение доноительства и сложности установления всех признаков состава недонесения о преступлении¹⁶. С одной стороны, опасность терроризма сегодня высока, как никогда, и правоохранительные органы и все общество заинтересованы в получении достоверной информации о террористических преступлениях¹⁷. С другой стороны, введение статьи о несообщении именно о различных проявлениях терроризма — показатель не столько объективно сложившейся ситуации, сколько ее конъюнктурной политической оценки, обусловленной, прежде всего, военной операцией российских вооруженных сил в Сирии. Ведь по той же логике допустима постановка вопроса о крими-

¹⁴ См., напр.: *Галачиева М. М.* Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.

¹⁵ *Иванчин А. В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 122, 124.

¹⁶ См., напр.: *Гаганов А. А.* Антитеррористический законопроект Яровой: лишение гражданства и наказание за доноительство. URL: <http://rusrand.ru/analytics/antiterroristicheskiy-zakonproekt-yarovoy-lishenie-grajdanstva-i-nakazanie-za-nedonositelstvo> (дата обращения: 23.11.2016).

¹⁷ См., напр.: *Житель* Грозного обвинен в доноительстве на потенциального боевика ИГ. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/295993/> (дата обращения: 17.01.2017).

нализации недонесения об иных преступлениях (убийствах, крупных или насильственных хищениях, сбыте наркотических средств, коррупционных деяниях и др.). Что же касается аргумента о возможном возрастании количества необоснованных доносов о террористических преступлениях, то он не очень убедителен — с подобными рисками сопряжено введение уголовно-правового запрета недонесения о любом преступлении.

Как и ст. 361 УК РФ, ст. 205⁶ УК РФ имеет неточное название — «Несообщение о преступлении». И месторасположение данной статьи, и содержание ее диспозиции (там упомянуты только преступления, предусмотренные ст. ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ) не согласуются с ее наименованием.

В условиях фактического существования в российском уголовном праве множественности норм о прикосновенности к преступлению¹⁸ более уместным было бы конструирование общего состава несообщения о преступлениях — не только террористического характера, но и иных видов (например, против жизни и здоровья, свободы, половой неприкосновенности и половой свободы, собственности, основ конституционного строя и безопасности государства и др.), с указанием в диспозиции нормы конкретных статей УК РФ (как это было в ст. 190 УК РСФСР 1960 г.). Соответствующая статья должна быть размещена в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Для отграничения несообщения о преступлении как формы прикосновенности к преступлению от интеллектуального пособничества (см., например, ч. 5 ст. 33 УК РФ, ч. 3 ст. 205¹ УК РФ) в данной статье необходимо указать, что такое несообщение является заранее не обещанным¹⁹.

¹⁸ См., напр.: *Энциклопедия уголовного права* : в 25 т. СПб., 2007. Т. 6 : Соучастие в преступлении. С. 534–537.

¹⁹ Примерные редакции такой статьи уже предлагались. См., напр.: *Сережкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 10–11 ; *Зарубин А. В. Понятие и формы прикосновенности к преступлению* // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 86.

В. Н. Борков

УГОЛОВНО-ПРАВОВОВАЯ ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Практика уголовно-правовой охраны государственной собственности в условиях рынка свидетельствует о наличии особенностей, обусловленных свободой экономической деятельности и договора. Отдельные юристы предпринимают попытки теоретического обоснования отсутствия уголовной противоправности в заведомо ущербных для государства и общества сделках. Они полагают, что в рыночных условиях покупная и действительная стоимость имущества объективно не могут быть эквивалентны, поэтому неэквивалентность обмена не может порочить сделку. Подобные доводы были приведены и защитой главы районной администрации, которого суд признал виновным в хищении в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ). Судом было установлено, что он подстроил победу ООО «Каскад» в аукционе по определению исполнителя работ по ремонту дороги в рабочем поселке. Заключенный контракт предполагал проведение работ на сумму 15 млн рублей. Но фактически дороги ремонтировались государственным предприятием ДРСУ Омской области, при этом использовалось вторичное сырье. Отличалась и стоимость выполненных работ, она составила немногим больше 8 млн рублей, именно эту сумму ООО «Каскад» перечислило ДРСУ. Установленный судом ущерб составил 7 млн рублей. Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предписывает действия должностного лица, которое заключило договор и на его основании перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, квалифицировать как растрату вверенного имущества¹.

При осуществлении закупок устанавливаются требования к товарам, работам, услугам, а также их предельная цена. В приведенном примере произведенный ремонт дороги явно не соответствовал заданным результатам, т. е. не мог выступать эквивалентом затраченных на него 15 млн рублей. Данное обстоятельство позволило суду признать денежные средства, составляющие разницу между суммой, перечисленной ООО «Каскад», и фактически затраченной на ремонт дороги, безвозмездно обращенными должностным лицом в пользу других лиц. Например, применительно к одному из видов мошенничества, которое также явля-

¹ Рос. газета. 2013. 17 июля.

ется хищением, Верховный Суд РФ разъясняет: «По смыслу ч. 5 ст. 159 УК РФ под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества...»². Частичным невыполнением обязательств следует признавать и явно некачественное выполнение работ вследствие чрезмерного занижения затрат на их проведение.

В следующем примере виновным в растрате с использованием служебного положения был признан глава городского поселения, который помог знакомому предпринимателю победить в аукционе на покупку квартиры для нуждающейся семьи по муниципальному контракту. В результате квартира стоимостью 1,7 млн рублей была приобретена по цене в полтора раза выше — за 2,6 млн рублей.

Заметим, что победившие в аукционах ООО «Каскад» и риэлтор осуществляли предпринимательскую деятельность, которая по определению направлена на получение прибыли. Было бы странно, если бы они занимались организацией ремонта дороги и приобретением квартиры безвозмездно, т. е. не получая от заказчика никакого встречного предоставления. Проблема соотношения свободы экономической деятельности и необходимости охраны отношений собственности неоднократно поднималась в решениях Конституционного Суда РФ. Например, А. Л. Конов в своем особом мнении при рассмотрении жалобы М. Б. Ходорковского писал: «Сегодня возникла новая конституционная и хозяйственная реальность, в которой старые уголовно-правовые запреты и доктринальные представления в определенной части остаются анахронизмом и, возможно, должны быть переосмыслены, поскольку они потеряли прежнюю определенность. Например, такой признак хищения, как противоправность, вполне может вызвать сомнения, если сделка по передаче имущества с точки зрения гражданского права не оспорена и признается действительной. Осуждаемая прежде корыстная цель может поменять коннотацию, поскольку получение прибыли является обязательным признаком хозяйственной деятельности... Понятия „эквивалентность/неэквивалентность” возмещения, опирающиеся на понятие цены сделки, в настоящее время в условиях свободы договора и договорных цен

² О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 // Рос. газета. 2016. 24 нояб.

не имеют объективного содержания. С точки зрения гражданского права нет никаких законных требований к участникам гражданского оборота о соответствии цен каким-либо критериям»³.

В решении Европейского Суда по делу о хищении денежных средств у государственного предприятия «Кировлес» с использованием ООО «ВЛК» отмечается, что «согласно законодательству Российской Федерации общества с ограниченной ответственностью, такие как ООО „ВЛК“, считаются юридическими лицами, чьей основной целью является получение прибыли (статья 50 ГК РФ)... Суды Российской Федерации не установили, и это даже не утверждалось, что, подписывая договор и взимая комиссионные, ООО „ВЛК“ преследовало бы иную цель, кроме как получение выгоды от перепродажи древесины. Более того, не оспаривались ни действительность договоров купли-продажи между ООО „ВЛК“ и предприятием „Кировлес“, ни их правовой характер... Европейский Суд отмечает, что ни характер сделки, ни контекст ее заключения не налагали и не подразумевали требования о том, чтобы покупатель, ООО „ВЛК“, осуществлял бы особую обязанность заботиться об интересах продавца, предприятия „Кировлес“, в целях обеспечения последним продажи древесины по самой выгодной цене»⁴. С Европейским Судом следует согласиться в том, что об интересах предприятия «Кировлес» должен был заботиться его руководитель. А государство призвано обеспечить, в том числе и уголовно-правовыми средствами, рачительное отношение должностных лиц государственных организаций к общенародной собственности и ее эффективное использование.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это корреспондирует положениям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право каждого физического и юридического лица

³ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 1037-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Дело* Навальный и Офицеров (Navalnyy and Ofitserov) против Российской Федерации» (жалобы № 46632/13 и 28671/14) : постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на уважение и защиту принадлежащей ему собственности (и, соответственно, свобода пользования имуществом, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности) не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для контроля за использованием собственности согласно общим интересам»⁵.

В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона и при этом посягающая на публичные интересы, ничтожна. Суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов (п. 4 ст. 166 ГК РФ). В качестве одного из оснований признания сделки недействительной в гражданском законодательстве выступает наличие явного ущерба юридическому лицу (п. 2 ст. 174 ГК РФ), о чем свидетельствует «совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента. При этом следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения»⁶. Гражданское законодательство и разъяснения Верховного Суда РФ убедительно указывают на наличие объективного содержания в цене договора и обязанности у контрагента «заботиться» об интересах юридического лица при заключении сделки с его представителем. Профессор, член-корреспондент РАН В. Ф. Яковлев, характеризуя имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, отмечает, что «эти отношения являются возмездными — отношениями эквивалентного обмена благами»⁷.

Большое значение контролю над предпринимателями, вступающими в экономические отношения с государством, придавалось во времена нэпа. Статья 129 УК РСФСР 1922 г. предусматривала ответственность за «расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния в виде средств производства». Предприниматели несли ответственность за неисполнение обязательств по дого-

⁵ *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2010 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

⁶ *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

⁷ *Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. Н. Гонгало. Статут, 2016. Т. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

вору, заключенному с государственным предприятием или учреждением, если доказан злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недобросовестные по отношению к государству действия (ст. 130 УК РСФСР 1922 г.). Нормы, предусматривающие ответственность за неисполнение договорных обязанностей перед государством и расхищение государственного имущества путем заключения заведомо невыгодных сделок, «совершенного по соглашению с контрагентами», были и в УК РСФСР 1926 г. Примечательно, что ст. 132 УК РСФСР 1926 г. существенно повышала ответственность за совершение описанных выше деяний «в боевой обстановке или связанных с поставками предметов снабжения Красной армии и флота и могущих отразиться на их боеспособности». Наказание за совершение такого преступления при отягчающих обстоятельствах предусматривалось «вплоть до расстрела».

П. С. Яни не соглашается с учеными, которые в противоправности хищения видят, с одной стороны, осуществление его способом, запрещенным уголовным законом (объективная противоправность), а с другой — отсутствие у виновного прав на похищаемое имущество (субъективная противоправность). «Под противоправностью как признаком состава всякого хищения, — пишет П. С. Яни, — необходимо понимать изъятие (обращение) чужого имущества в пользу лица, совершающего указанные действия, или других лиц, если эти действия противоречили положениям законодательства, прежде всего — гражданского, позитивно регулирующего отношения, которые соответствующие нормы об ответственности за преступления против собственности охраняют»⁸. Но подобно тому, как обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, должны признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (ст. 90 УПК РФ), вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действия лица, в отношении которого он вынесен (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ). Законодатель справедливо допускает возможность ситуации, когда общественная опасность деяния или сделки будут установлены раньше, чем она будет признана недействительной в гражданско-правовом порядке. Статья 215 ГПК РФ обязывает суд приостановить производство по гражданскому делу в случае невозможности его рассмотрения до разрешения другого дела, рассматриваемого в уголовном судопроизводстве.

⁸ Яни П. С. Противоправность как признак хищения // Законность. 2014. № 6. С. 22–23.

В процессе юридической оценки деяний и выборе соответствующей отрасли права следует исходить из приоритета предмета правового регулирования, восприятия субъектом содеянного как конфликта с государством, которое он представляет в качестве участника имущественных отношений. Поэтому, когда совершено преступление, а гражданско-правовой договор используется в качестве способа причинения собственнику имущественного ущерба и в целях его сокрытия, нет оснований связывать уголовную противоправность с обязательным признанием сделки недействительной. Исполнение своих обязательств сторонами сделки, оформленной правильно, но на издевательских условиях, не может быть препятствием для квалификации действий ее участников по соответствующим статьям УК РФ. Заметим, имущественные отношения с участием государственных организаций обладают рядом особенностей. А. В. Винницкий пишет об объективных предпосылках признания самостоятельной разновидностью отношений, развивающихся по поводу публичного имущества⁹. Отличительными чертами метода гражданского права являются юридическая диспозитивность, правовая инициатива, юридическое равенство участников и имущественная самостоятельность. Относительно последнего признака важно понимать, что чиновник распоряжается не личным, а общенародным имуществом, поэтому его свобода договора и деловая инициатива должны контролироваться, в том числе и средствами уголовно-правового воздействия.

По мнению Г. А. Есакова, соблюдение законодательно установленных механизмов заключения договора его сторонами, отсутствие корыстного мотива в отношении всей суммы переплаты создают слишком много условностей для квалификации рассматриваемых действий как растраты, «чтобы она была приемлемой». «Фактически действия по заключению такого договора, совершенные из корыстных побуждений, становятся обстановкой получения взятки (а если взятка дается из полученных контрагентом денежных средств, то и специфическим способом получения взятки). Иными словами, — подытоживает Г. А. Есаков, — если такого рода договор заключен по злонамеренному соглашению двух сторон, является юридически действительным и исполненным, то содеянное охватывается совокупностью ст. 285 УК РФ и ст. 290 (для взяткодателя — только ст. 291) УК РФ»¹⁰. Таким образом, решение проблемы противоправности причине-

⁹ Винницкий А. В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 20.

¹⁰ Есаков Г. А. Расширенная трактовка обмана как способа совершения мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 21–24.

ния имущественного ущерба автор видит в квалификации действий виновного как злоупотребления должностными полномочиями.

Действительно, преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, состоит в правильно оформленном, но заведомо ущербном для личности, общества и государства использовании виновным своих должностных полномочий. В отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения, разъясняет высшая судебная инстанция, злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые «не связаны с изъятием чужого имущества»¹¹. Но, заметим, должностное лицо, заключающее договор, на основании которого перечисляются денежные средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость оплачиваемых товаров, работ или услуг, государственное имущество не изымает, оно находится в его ведении. В свою очередь, распространение действия ст. 160 УК РФ на присвоение и растрату имущества, которое не только было вверено виновному, но и находилось в его ведении, также неоспорно.

Подход, когда хищением признается злоупотребление административно-хозяйственными полномочиями, является социально обусловленным, но, как справедливо утверждает Н. А. Лопашенко, «для таких заключений современная редакция ст. 160 УК РФ оснований не дает»¹². Описание в УК РФ всех способов хищений свидетельствует о физическом характере изъятия имущества и обращения его в пользу виновного или других лиц. Присвоение и растрату характеризует особая обстановка, которая состоит в наличии юридической связи между виновным и предметом хищения. Отсутствие физического изъятия и (или) обращения свидетельствует об отсутствии хищения. Установив в ст. 159 УК РФ ответственность за два вида мошенничества, законодатель четко разграничил хищение и иные способы причинения имущественного ущерба. Мошенничество может представлять собой хищение чужого имущества или приобретение права на имущество. Подобным образом присвоение или растрата могут состоять в хищении вверенного имущества или в злоупотреблении полномочиями в отношении имущества, которое находится в ведении виновного. Последний способ выражается в принятии необоснованного, противоречащего задачам нормального функ-

¹¹ *О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (п. 17) // Рос. газета. 2009. 30 окт.

¹² *Лопашенко Н. А.* Посягательства на собственность. М., 2012. С. 500.

ционирования организации административно-хозяйственного решения. Так, ст. 92 УК РСФСР 1960 г. устанавливала ответственность за присвоение или растрату государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно за завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением. Учитывая изложенное, а также пример ст. 92 УК РСФСР 1960 г., считаем, что в ст. 160 УК РФ следует установить ответственность за присвоение или растрату, т. е. хищение чужого имущества, вверенного виновному, а равно завладение чужим имуществом путем злоупотребления служебным положением.

Ю. В. Герасименко

О НОВЫХ ФОРМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Одной из актуальных и широко обсуждаемых тем в обществе является коррупция — злоупотребление вверенной властью для личной выгоды. По последним опросам «Левады-центра», около 72% россиян считают коррупцию типичным явлением в стране, которое пронизывает различные ветви и уровни власти.

Коррупция оказывает негативное воздействие на общественные отношения, разрушая механизмы реализации прав собственности, политической и экономической конкуренции, приводит к отступлению от принципа равенства граждан перед законом, деформации правоохранительной системы, падению эффективности государственных программ.

В предпринимательской сфере коррупция обуславливает повышение транзакционных издержек бизнеса, экономические потери, снижая перспективность предпринимательства и инвестиционную привлекательность региона, в результате чего уменьшаются стимулы к добросовестному предпринимательству, нарастают бегство капитала и утечка наиболее ценных человеческих ресурсов.

С коррупцией можно бороться, и это сегодня приоритетная задача государственного масштаба. От результатов этой борьбы зависят степень доверия общества к органам власти, эффективность деятельности государства как на федеральном, так и на региональном уровнях и в конечном счете условия жизни населения.

В статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 15 февраля 2016 г.) «О противодействии коррупции»¹ предусмотрено, что противодействие коррупции представляет собой деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, *институтов гражданского общества*, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

При этом согласно Национальной стратегии противодействия коррупции², утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 410 (ред. от 13 марта 2012 г.), к числу основных направлений ее реализации относится *обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции*.

Одним из действенных способов повышения эффективности противодействия коррупции считаются стимулирование общественного контроля и развитие взаимодействия различного рода объединений граждан с органами государственной власти и местного самоуправления. Самым массовым представителем таких формирований выступают общественные объединения, которые являются наиболее активно развивающимся институтом гражданского общества. Общественными объединениями некоммерческой направленности признаются добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей.

Имеющаяся практика свидетельствует, что общественный контроль и различные организационно-правовые формы объединения граждан представляют собой серьезную силу, способную достигать социально полезных целей.

Статья Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³ определила следующие субъекты общественного контроля:

¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

² Там же. 2010. № 16, ст. 1875.

³ Там же. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4213.

- Общественную палату Российской Федерации;
- общественные палаты субъектов Российской Федерации;
- общественные палаты (советы) муниципальных образований;
- общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Что касается Омской области, то региональную правовую основу осуществления общественного контроля вообще и взаимодействия государственного и частного секторов экономики в противодействии коррупции в частности составляют: Закон Омской области от 4 июля 2008 г. № 1055-ОЗ (ред. от 6 ноября 2015 г.) «Об Общественной палате Омской области», Указ Губернатора Омской области от 25 февраля 2016 г. № 41 (ред. от 31 мая 2016 г.) «Об утверждении Плана противодействия коррупции в органах исполнительной власти Омской области на 2016–2017 годы», постановление Правительства Омской области от 27 ноября 2016 г. № 307-П «О порядке образования общественных советов при органах исполнительной власти Омской области».

Важно обратить внимание на то, что Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁴, который вступил в силу с 1 января 2017 г., не только изменил порядок формирования региональных общественных палат, но и значительно расширил их компетенцию. Теперь Общественная палата субъекта Российской Федерации призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития субъекта РФ, защиты прав и свобод граждан, развития демократических институтов.

Для достижения поставленной цели потребуется принять новую редакцию закона «Об Общественной палате Омской области», которая позволила бы в том числе повысить эффективность взаимодействия государственного и частного секторов экономики в противодействии коррупции.

В настоящее время общественные консультативные советы по развитию предпринимательства созданы во всех 32 муниципальных районах Омской области и в Омске.

В части принятия дополнительных мер, направленных на практическое внедрение механизмов общественного контроля за деятельностью ор-

⁴ Там же. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3852.

ганов местного самоуправления, Губернатором Омской области В. И. Назаровым, согласно протоколу заседания Совета глав муниципальных образований Омской области от 23 октября 2015 г. № 54-СГ, дано поручение главам муниципальных образований Омской области создать общественные консультативные советы по развитию предпринимательства с включением в их состав представителей бизнес-сообществ региона.

Следует признать, что степень реализации поручения оказалась различной, и далеко не везде профильные общественные организации представлены в вышеуказанных Советах.

В соответствии с установленным порядком во всех министерствах Омской области образованы общественные советы. Состав Общественного совета формируется органом исполнительной власти Омской области совместно с Общественной палатой Омской области. Предписано, что в состав Общественного совета должны включаться члены Общественной палаты Омской области, представители заинтересованных общественных объединений по предложению совета Общественной палаты Омской области.

Положение об Общественном совете и его состав утверждаются правовым актом соответствующего органа исполнительной власти Омской области об образовании общественного совета.

Имеющиеся Положения во многом являются типовыми и содержат специальный пункт об участии в антикоррупционной работе, оценке эффективности государственных закупок и кадровой работы соответствующего министерства.

Деятельность общественных советов освещается на страницах министерств на портале «Омская Губерния», где имеются вкладки «Общественный совет». В них содержатся нормативные документы, состав общественных советов, планы работы, протоколы заседаний, а также информация о прошедших заседаниях.

Информация о деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти также дублируется на сайте Общественной палаты Омской области.

Проведенный мониторинг размещенной информации показал, что в Министерстве здравоохранения в последнее время на Общественном совете рассматривался вопрос о роли общественных советов в сфере противодействия коррупции. На Общественном совете при Министерстве экономики был обсужден вопрос о совершенствовании взаимодействия государственных органов, правоохранительных структур с бизнес-сообществом по внедрению антикоррупционных процедур, а также реализации Антикоррупционной хартии российского бизнеса.

Информация Министерства экономики о деятельности Общественного совета наиболее содержательна по сравнению с другими министерствами, и соответствующая вкладка имеет лучшую динамику пополняемости. В ней имеется разнообразная информация о деятельности Общественного совета. Его членами являются руководители (представители) некоммерческих организаций и бизнес-объединений региона, таких как Омское региональное отделение Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», Омская торгово-промышленная палата, Региональная общественная организация «Омский областной Союз предпринимателей», некоммерческое партнерство «Омский банковский Союз», Региональная общественная организация Омской области «Ассоциация развития малого и среднего предпринимательства», Союз организаций торговли Омской области, Омская региональная общественная организация «Защита прав потребителей», а также национальных диаспор Омской области.

Заседания Общественного совета проводятся в соответствии с перечнем функций, осуществляемых Министерством экономики Омской области, по следующим направлениям деятельности:

- развитие малого и среднего предпринимательства и инвестиционная политика;
- торговля и потребительский рынок;
- международные внешнеэкономические связи Омской области.

Члены Общественного совета включены в состав аттестационной комиссии, конкурсной комиссии и Комиссии по этике Министерства в соответствии с приказом от 3 ноября 2015 г. № 68 «Об аттестационной комиссии Министерства экономики Омской области», приказом от 28 декабря 2015 г. № 85 «О конкурсной комиссии для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Омской области в Министерстве экономики Омской области и включение в кадровый резерв Министерства экономики Омской области».

На рассмотрение Общественного совета представляются разработанные Министерством проекты нормативных правовых актов Омской области, подлежащие оценке регулирующего воздействия. С членами Общественного совета-руководителями некоммерческих организаций и бизнес-объединений Омской области заключены соглашения о взаимодействии при ее проведении.

Совместно с членами Общественного совета и при участии Омской торгово-промышленной палаты подготовлены пакеты документов о присоединении к Антикоррупционной хартии российского бизнеса.

Защита субъектов предпринимательской деятельности от проявлений коррупции и незаконного административного давления — одна из задач Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области.

К Уполномоченному предприниматели обращаются в том числе и по поводу нарушения своих прав, связанного с оказанием на них коррупционного давления. Это жалобы на решения, действия (бездействие) как органов власти, так и иных организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также на должностных лиц, ущемляющих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Некоторые жалобы предпринимателей связаны с тем, что, по мнению заявителей, должностные лица органов власти неформально привлекаются третьей стороной (другим субъектом предпринимательства) для оказания давления на предпринимателя-заявителя в корпоративном споре в целях устранения его с конкурентного рынка или завладения его бизнесом/имуществом (т. е. в рейдерских целях).

Роль Уполномоченного при рассмотрении жалоб на коррупцию заключается в выявлении признаков, свидетельствующих о коррупционном деянии, и подготовке аргументированной позиции в защиту обратившегося предпринимателя или признания его жалобы необоснованной.

Основные направления взаимодействия института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области с бизнес-сообществом по предупреждению коррупции:

- объединение усилий по защите прав и законных интересов предпринимателей в рамках работы над конкретными обращениями;
- защита и представление интересов объединений предпринимателей в органах государственной власти и органах местного самоуправления;
- анализ системных проблем, препятствующих развитию предпринимательства, совместная выработка предложений по их решению.

Для работы с системными проблемами предпринимательства, выработки комплексных предложений по их решению, в том числе по противодействию коррупции, Уполномоченный использует инструмент, предусмотренный Соглашением о взаимодействии в целях организации экспертных исследований (создании экспертно-консультационного совета) по проблемам субъектов предпринимательства, защиты прав и реализации интересов субъектов предпринимательства.

Комплексное Соглашение подписано 22 июня 2016 г. Уполномоченным по защите прав предпринимателей с:

- РОО «Омский областной Союз предпринимателей»;
- омским региональным отделением политической партии «Партия Роста»;
- Омской торгово-промышленной палатой;
- омским региональным отделением Общероссийской организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»;
- омским региональным отделением общероссийской общественной организации «Деловая Россия».

Поскольку бизнес-омбудсмен взаимодействует с предпринимательским сообществом в постоянном режиме, то весьма существенной является информация, содержащаяся в ежегодных докладах Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области.

По окончании календарного года Уполномоченный в каждом субъекте Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством направляет Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей доклад о результатах своей деятельности с оценкой условий осуществления предпринимательской деятельности в конкретном регионе и предложениями по совершенствованию правового положения субъектов предпринимательской деятельности.

В Омской области в срок до 1 марта очередного года Уполномоченный представляет Законодательному Собранию Омской области и Губернатору Омской области соответствующий доклад о соблюдении прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности на территории Омской области, также включающий вышеназванную информацию. Согласно Регламенту Законодательного Собрания Омской области доклад рассматривается комитетом по экономической политике и инвестициям.

И. В. Дворянсков

МОНИТОРИНГ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ)

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС РФ) до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября

2010 г. № 1772-р¹, запланировано расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также внедрение современных технологий и технических средств в практику исполнения наказаний.

Анализ зарубежного опыта использования форм контроля за поведением осужденных показывает, что электронный мониторинг используется как в досудебном порядке, так и в процессе отбывания наказания, а также при досрочном освобождении. Например, в Канаде используются электронные контрольные программы, проверяющие готовность к исправлению осужденных. Преступника приговаривают к тюремному заключению, и исполнительные власти решают, следует ли применить к осужденному средства электронного мониторинга.

Практически все программы probation и домашнего ареста за рубежом используют тот или иной вид электронного наблюдения. С момента разработки в 1983 г. электронное наблюдение стало быстро распространяться, и исследования показывают, что домашний арест является подлинной альтернативой тюремному заключению.

Помимо экономии значительных финансовых ресурсов, электронный мониторинг при исполнении так называемых альтернативных наказаний имеет ряд преимуществ. Обычно правонарушителям разрешается сохранить работу, а часто от них даже требуется выполнение работы. Когда они не могут сохранить свое рабочее место, они выполняют общественно полезные работы. Одно из преимуществ заключается в том, что программы электронного наблюдения позволяют использовать многоуровневую систему мер воздействия и контроля, применение которой зависит от степени тяжести совершенного преступления.

Рассмотрим опыт применения технических средств контроля за осужденными в Великобритании.

В 1997 г. начальники тюрем Великобритании смогли установить электронный мониторинг домашнего ареста для осужденных, которых освобождали до истечения срока заключения.

В настоящее время в Великобритании разработаны следующие правовые протоколы по использованию электронного мониторинга:

1. Электронный мониторинг домашнего ареста по решению суда.
2. Электронный мониторинг домашнего ареста по решению суда после условно-досрочного освобождения.
3. Космическое слежение по решению суда.
4. Слежение как условие освобождения из тюрьмы.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Исследования, проводившиеся в Великобритании в течение нескольких лет, позволяют предположить, что менее 20% преступников совершают повторные преступления, когда за ними осуществляют электронный мониторинг. Это считается приемлемым уровнем, если помнить о том, что речь идет о преступниках из группы высокого риска, которые в противном случае находились бы все это время в тюрьме.

Официальное ведомство Великобритании, контролирующее государственные расходы, пришло к следующим выводам:

- электронный мониторинг преступников целесообразен с экономической точки зрения. Он значительно дешевле, чем содержание преступников в тюрьме;

- оборудование для мониторинга надежно фиксирует нарушения, однако время, необходимое системе уголовной юстиции, чтобы отреагировать на нарушения, далеко не везде одинаково;

- домашний арест в совокупности с электронным мониторингом может оказывать положительное воздействие на жизнь преступника. Снижается уровень рецидивной преступности (хотя для подтверждения этого заявления требуются дополнительные исследования)².

Интересен и французский опыт использования электронного мониторинга. Он стал применяться во Франции в 2000 г. в качестве эксперимента в четырех регионах. Закон же, дающий право судьям применять помещение осужденного под электронное наблюдение в качестве меры, альтернативной отбытию наказания в местах лишения свободы, был принят 19 декабря 1997 г.

С 1998 г. по 2000 г. пенитенциаристы Франции изучали и анализировали опыт применения электронных браслетов в США, Канаде и некоторых странах Европы (Великобритания, Голландия, Швеция).

Согласно вышеназванному закону электронное наблюдение может применяться в отношении:

- осужденных, чей срок лишения свободы не превышает одного года;

- осужденных, уже отбывающих наказание, неотбытая часть наказания которых не превышает одного года;

- условно осужденных лиц;

- женщин и несовершеннолетних³.

² Салогуб М. Л. Электронный мониторинг осужденных в странах Евросоюза // Зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний : сб. науч. статей. Вып. 3 / сост. канд. ист. наук О. И. Макачук. М., 2010. С. 115–116.

³ URL: <http://prisons.free.fr> (дата обращения: 02.03 2015).

Обязательными условиями являются признание осужденным своей вины и раскаяние в содеянном.

По своей сути электронное наблюдение подразумевает постоянное слежение за перемещением осужденного в пределах дома и выходом из него в специально разрешенные часы. Это может быть разрешение посещать место работы или учебы, а также врача. Часы выхода из дома определяются индивидуально для каждого осужденного в зависимости от рабочего графика и семейных обязанностей.

Интересно, что до 2004 г. в качестве средства электронного контроля применялся электронный браслет, закрепленный на лодыжке или запястье осужденного, сигнал от которого поступал на приемник, расположенный в местах пребывания осужденного (квартира, работа, место учебы). Затем сигнал из приемника транслировался по телефонной линии в центр наблюдения за осужденными. С 2004 г. во Франции применяется мобильное электронное наблюдение: за перемещением осужденного следят при помощи GPS.

Мобильное электронное наблюдение может применяться в отношении уже освободившихся лиц в целях предотвращения рецидива. Предполагается, что сфера применения электронного контроля расширится и будет распространяться на лиц, на которых заведено уголовное дело. Но вместо того, чтобы держать обвиняемых в следственных изоляторах, их будут отправлять под домашний арест.

Сторонники электронного мониторинга утверждают, что это эффективная и низкзатратная комбинация наказания и реабилитации. Наказанием является лишение свободы на протяжении значительной части суток. А реабилитация происходит вследствие встраивания структуры и дисциплины в жизни людей, которые в противном случае находились бы в местах лишения свободы. Следует отметить, что в нашей стране до сих пор применяется устаревшая технология, требующая наличия ретранслятора, находящегося неподалеку от браслета. Представляется, что изучение зарубежного опыта применения альтернативных лишению свободы мер наказания будет способствовать повышению эффективности и оптимизации технического обеспечения их исполнения.

Я. М. Мазунин

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАССЛЕДОВАНИЕ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Проблема нераскрытой преступности чрезвычайно актуальна для России и любого государства. Если принять во внимание раскрываемость преступлений в различных государствах и сроки давности привлечения к уголовной ответственности, то можно констатировать наличие в каждой стране миллионов нераскрытых преступлений. Так, в Российской Федерации на начало 2014 г. было зарегистрировано 17 880 270 нераскрытых преступлений прошлых лет¹.

Такая ситуация не может не волновать и практических работников, и ученых. Например, В. П. Лавров называет раскрытие преступлений прошлых лет проблемой, ставшей для России глобальной². Сложившаяся ситуация обусловлена в первую очередь факторами, влияющими на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет.

Прежде всего, на наш взгляд, это определение целей российского уголовного процесса. В статье 2 УПК РСФСР в качестве целей производства по уголовному делу называлось «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут уголовному наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Представляется, что именно данная формулировка полностью соответствует практике борьбы с уголовной преступностью.

Как следствие, вызывают возражения изменения, произошедшие с формулировкой целей уголовного судопроизводства. Прежде всего ст. 6 УПК РФ вообще не содержит прямого указания на обязанность следователя, органа дознания, дознавателя раскрывать преступления, изобличать виновных и привлекать их к уголовной ответственности. Упоминание же в ст. 6 УПК РФ об уголовном преследовании и назначении виновным справедливого наказания отодвигает на второй план наиболее злободневную цель всей системы уголовной юстиции — раскрытие преступлений, изобличение виновных и привлечение их к уголовной ответственности.

¹ Клейменов М. П., Клейменов И. М. Нераскрытая преступность : монография. М., 2015. С. 5.

² Лавров В. П. Раскрытие преступлений прошлых лет — проблема, ставшая для России глобальной // Проблемы раскрытия нераскрытых преступлений прошлых лет : мат-лы межвуз. науч. семинара. М., 2008. С. 15–24.

сти, в отличие от цели, связанной с отказом от уголовного преследования невиновных, освобождения их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Не оспаривая значимости реабилитации невиновных и недопущения их привлечения к уголовной ответственности, мы поддерживаем В. А. Азарова, Н. И. Ревенко и М. М. Кузембаеву в том, что нельзя сравнивать, с одной стороны, миллионы нераскрытых преступлений, а значит, неизобличенных преступников, неудовлетворенных и оскорбленных потерпевших, а с другой — десятки, может быть, сотни реабилитированных³.

При этом задача реабилитации невиновных должна дополнять, а не заменять цель раскрытия преступлений. «Преступления необходимо раскрывать, лиц, виновных в их совершении, изобличать. И такая задача не может не быть первоосновой уголовного процесса. Необходимость в защите прав и интересов участников уголовного процесса, вне зависимости от их правового статуса, появляется лишь в связи с возникновением уголовно-процессуальных отношений, возможностью начать действия по осуществлению уголовного преследования»⁴.

Изменение целей уголовной юстиции было предусмотрено Концепцией судебной реформы в Российской Федерации, где впервые на официальном уровне прозвучало требование об упразднении задачи раскрытия преступлений как якобы порождающей подтасовку сотрудниками правоохранительных органов отчетных данных о своей работе⁵. «Факты подтасовки, фальсификации данных статистической отчетности действительно имеют место, но происходит это отнюдь не по причине наличия в законе требования раскрывать преступления, изобличать и привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, а скорее от того, что руководители отдельных правоохранительных ведомств своими приказами возвели пресловутый „процент раскрываемости преступлений“ в чуть ли не самый главный критерий оценки деятельности своих подчиненных, что, естественно, подталкивает самых нерадивых из них к известному „лукавству“ и очковтирательству»⁶. Изложенное не могло не оказать влияния на деятельность по раскрытию и расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет.

³ Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. 2-е изд., стереотип. Омск, 2008. С. 13–14.

⁴ Зинатуллин З. З. Иерархия функций российского уголовного процесса // Научные труды Российской академии юридических наук. М., 2001. Вып. 1. Т. 2. С. 102.

⁵ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 19–20.

⁶ Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Указ. соч. С. 16.

Вопросы, связанные с определением и анализом факторов, влияющих на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет, неоднократно рассматривались в криминалистической литературе. Например, В. П. Лавров выделил ряд факторов, остающихся актуальными и сегодня:

1) наличие результатов уже проведенного расследования, доказанность факта совершения преступления, что затрудняет производство расследования новым следователем в силу особенностей оценки собранных доказательств, и т. п.;

2) продолжение действия факторов, которые в свое время затруднили расследование: отсутствие очевидцев; отсутствие предварительной связи между преступником и потерпевшим; применение преступником уловок в целях сокрытия преступления и его следов; обнаружение преступления спустя длительный период после его совершения и т. д.;

3) ошибки и другие недостатки произведенного до приостановления дела расследования, которые обычно накладывают отпечаток на всю дальнейшую работу по раскрытию преступления, поскольку последствия таких ошибок часто бывают неустранимы;

4) факторы, отражающие психологический подход к деятельности вновь назначенного следователя и психологию преступника, временно избежавшего разоблачения;

5) особенности процессуальной регламентации деятельности по приостановленному делу о нераскрытом преступлении;

6) фактор времени⁷.

Б. Я. Гаврилов считает, что к факторам, негативно влияющим на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, относятся:

1) существенное различие официальных показателей уровня регистрируемой преступности с реальным количеством криминальных проявлений, подлежащих учету в качестве преступлений;

2) критерии оценки деятельности ОВД, которые стимулируют не на реальное раскрытие преступлений, а на формирование служебных показателей, являющихся прямым объектом проверок вышестоящих органов и инспекторских проверок МВД России, а также комплексных проверок с участием органов прокуратуры, по результатам которых нередко формально оценивается эффективность деятельности ОВД по борьбе с преступностью;

3) несовершенство ряда положений УПК РФ и периодически повторяющиеся ошибки законодателя при принятии ряда других федеральных законов;

⁷ Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : учеб. пособие. М., 1972. С. 9–11.

4) недостаточность ведомственного регулирования проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет⁸.

Г. М. Савенко к факторам, влияющим на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет, относит то, что в соответствии с формой статистической отчетности № 1-А, утвержденной приказом МВД России от 23 января 2004 г. № 40 «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений», раскрытие преступлений прошлых лет не учитывается как положительный показатель работы оперативных служб и следственных подразделений. Данное обстоятельство существенно снижает мотивацию работы по этим преступлениям. Автор также обращает внимание на то, что работа по приостановленным делам требует привлечения дополнительных сил, отвлекающих следователя от расследования по делам, по которым имеется подозреваемый и которые определяют показатели работы следственных подразделений и ОВД в целом⁹.

С изданием приказа МВД России от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» положение не изменилось, так как данный документ не устанавливает в качестве положительного показателя работы органов предварительного расследования и подразделений дознания деятельность по раскрытию преступлений прошлых лет и фактически не стимулирует активизацию работы по их раскрытию. Как положительный критерий раскрытия преступлений прошлых лет рассматривается лишь для органа внутренних дел в целом и для деятельности подразделений уголовного розыска в частности.

Такой подход к оценке деятельности следственных и оперативных подразделений можно объяснить тем, что содержание ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁰ позволяет предположить, что именно оперативно-розыскная деятельность, а не уголовный процесс предназначена для выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Однако такое предположение будет ошибочным, поскольку государством задача раскрытия преступлений (в том числе и преступлений прошлых лет) ставится в равной мере как перед субъектами оперативно-розыскной

⁸ Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика: цифры и факты. М., 2008. С. 10–15.

⁹ Савенко Г. М. Основные направления управленческой деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : мат-лы межвуз. науч. семинара (13 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 72–73.

¹⁰ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 33, ст. 3349.

деятельности, так и перед следователями, дознавателями. В связи с этим нельзя не согласиться с В. А. Азаровым, Н. И. Ревенко и М. М. Кузембаевой в том, что «раскрыть преступление исключительно средствами оперативно-розыскной деятельности практически невозможно, собственно его раскрытие (как, впрочем, и констатация этого факта с точки зрения государственной статистики) происходит исключительно в ходе производства по уголовному делу. Только в сотрудничестве следователя и оперативного работника можно, как правило, получить в качестве результата раскрытие неочевидного, а тем более изощренного, замаскированного, заранее подготовленного преступления»¹¹.

Прежде чем приступить к анализу изложенных факторов, считаем необходимым подчеркнуть, что В. П. Лавров рассматривает как негативное, так и позитивное влияние указанных им факторов на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет¹². Полностью поддерживая мнение В. П. Лаврова о том, что изложенные им факторы могут оказывать положительное воздействие, позволим себе уточнить некоторые негативные последствия действия ряда этих факторов.

Называя в качестве негативного фактора недостаточную процессуальную регламентацию работы следователя по приостановленному делу, нужно определить, что именно имеется в виду. Необходимо отметить, что невозможность производства по приостановленному делу следственных действий не является единственным недостатком правовой регламентации деятельности следователя по приостановленному делу. В юридической литературе до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы, связанные с приостановлением предварительного следствия, розыскной деятельностью, розыскными действиями и др. Отсутствие четких научных подходов к определению данных понятий приводит к тому, что и законодательно деятельность следователя по приостановленному нераскрытому делу практически не урегулирована. Мы также полностью разделяем мнение Б. Я. Гаврилова, Г. М. Савенко и других авторов о недостаточности ведомственного регулирования вопросов, связанных с расследованием нераскрытых преступлений прошлых лет.

По этому поводу В. П. Лавров отмечает, что в первые годы после введения института приостановления (1961–1966) проблема накопления «старых дел» особой озабоченности как у ученых, так и у руководства

¹¹ Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Указ. соч. С. 15.

¹² Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. С. 9–11 ; *Его же*. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 875–876.

правоохранительных органов не вызывала. Однако в последующем, когда общее количество нераскрытых преступлений прошлых лет значительно возросло (1968–1969), руководством МВД СССР были реализованы предложения группы ученых (криминалистов, представителей теории оперативно-розыскной деятельности, науки управления) о создании постоянно действующих следственно-оперативных групп по раскрытию преступлений прошлых лет, об усилении ведомственного контроля за работой по уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено, и приняты иные меры, позволившие несколько сдержать рост количества нераскрытых преступлений прошлых лет.

Однако после того как в 1982 г. Министерство внутренних дел возглавил В. В. Федорчук, полагавший, что раскрывать любые преступления (в том числе и прошлых лет) должны все сотрудники органов внутренних дел и нет необходимости создавать специализированные группы, во многих регионах специализированные следственно-оперативные группы, включая и постоянно действующие следственно-оперативные группы по раскрытию преступлений прошлых лет, были ликвидированы. К сожалению, воссоздать ранее существовавшую систему специализированных подразделений в полном объеме не удалось.

В то же время наметились следующие основные тенденции:

- последовательный рост общего количества нераскрытых преступлений прошлых лет;
- крайне низкий уровень ежегодной раскрываемости преступлений данной категории;
- преобладание в этом массиве преступлений, учитываемых по линии уголовного розыска;
- ежегодное снятие с учета в связи с истечением срока давности преступлений, фактически оставшихся нераскрытыми, количество которых в несколько раз превышает число раскрываемых за тот же период преступлений прошлых лет;
- недостаточно высокая активность следователей и оперативных сотрудников после приостановления предварительного следствия.

Указанные тенденции сохранились и сегодня¹³.

Что же касается такого названного В. П. Лавровым фактора, как психология преступника, временно избежавшего разоблачения, то, на наш взгляд, психология неразоблаченного преступника не всегда оказывает су-

¹³ См. подробнее: *Лавров В. П.* Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. 2009. № 4(6). С. 29–31.

щественное негативное влияние на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, так как преступник, избежавший разоблачения, часто не считает необходимым или не может длительное время проявлять настороженность, теряет самоконтроль. Изменившиеся взаимоотношения между людьми нередко устраняют мотивы умолчания или лжи, действовавшие в период первоначального расследования, приводят к даче правдивых показаний, а иногда и к явке с повинной. Продолжая совершать преступления, преступник оставляет новые следы, изучение которых в сравнении с имеющимися в делах о нераскрытых преступлениях способствует раскрытию преступлений прошлых лет. Расследование деяний данной категории не всегда поручают новому следователю, а в тех случаях, когда это происходит, негативное психологическое отношение к этому делу обуславливается, прежде всего, отсутствием детального правового регулирования деятельности следователя по приостановленному делу о нераскрытом преступлении и вызванным этим у следователя представлением о средствах и методах работы.

Результаты изучения материалов уголовных дел, приостановленных в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, позволяют разделить причины, по которым определенную часть преступлений не удается раскрыть в установленный законом срок и они попадают в разряд нераскрытых преступлений прошлых лет, на субъективные и объективные.

К субъективным причинам необходимо отнести недостатки и ошибки проводившегося расследования, выразившиеся в:

- низком качестве первоначальных следственных действий, главным образом осмотров мест происшествий;
- неполном выдвижении и некачественной проверке версий о лицах, совершивших преступления;
- недостаточном использовании специальных знаний при расследовании;
- недостаточном использовании криминалистических и оперативных учетов.

Объективные причины связаны с обстановкой, в которой совершаются преступления, и личностью преступников.

Таким образом, определяя факторы, влияющие на раскрытие и расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, необходимо назвать:

- воздействие обстоятельств объективного характера, затрудняющих раскрытие преступления и вызвавших приостановление производства, включая противодействие расследованию в самых различных формах

и направлениях (принятие преступниками мер по сокрытию преступления, его следов и различных вещественных доказательств; совершение преступлений рецидивистами, имеющими большой преступный опыт, а также лицами без определенного места жительства и работы и т. д.);

— факторы психологического характера, относящиеся к психологии как следователя, не сумевшего раскрыть преступление, так и нового следователя, которому поручено расследование (при этом отметим, что, несмотря на то что преступник обычно остается неизвестным, в то же время, как правило, достоверно устанавливаются факт преступления, способ совершения и сокрытия, ущерб и способствовавшие причины и условия, т. е. основная информация, которая служит исходной базой для дальнейшей деятельности следователя и органа дознания по приостановленному делу о нераскрытом преступлении);

— психология преступника, сумевшего избежать разоблачения (со временем может измениться отношение самого виновного к совершенному преступлению: переживания, вызванные содеянным, могут побудить к явке с повинной; преступник, будучи избалованным в очередном преступлении, может дать показания о совершенных им и оставшихся нераскрытыми преступлениях);

— психологические особенности потерпевшего, интересы которого остались незащищенными;

— психологические особенности свидетеля, специфика восприятия, сохранения и воспроизведения им доказательственной информации, а также его реакция на воздействие, оказываемое преступником и связанными с ним лицами;

— фактор времени, увеличивающий опасность уничтожения материальных следов преступления, ранее не обнаруженных и не зафиксированных, потери информации при ее передаче на допросе, появления ошибок или неточностей в показаниях, затруднения получения новой информации вследствие выезда из данной местности потерпевших, свидетелей, подозреваемых, иных осведомленных об интересующих следствии обстоятельствах дела лиц (при этом фактор времени может оказать и положительное воздействие: преступник теряет осторожность, у него снижается чувство самоконтроля, притупляется бдительность, появляется пренебрежение к необходимости сокрытия следов преступления, он проговаривается или хвастает в своем кругу совершенными в прошлом преступлениями и т. д.);

— недостаточность уголовно-процессуального и ведомственного регулирования деятельности следователя по приостановленным уголовным

делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет (в некоторых случаях фактическая невозможность проведения следственных действий по приостановленным делам порождает у части следователей мнение, что после приостановления уголовного дела над раскрытием преступления должны работать органы дознания, а не следователь);

— несовершенство системы оценки результатов деятельности органов внутренних дел, обуславливающее незаинтересованность следователей в раскрытии и расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет.

О. И. Бекетов, С. И. Корыц

ИСПОЛНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ (САМОХОДНЫМИ МАШИНАМИ): РИСКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

Профессор Ю. А. Тихомиров, исследуя теорию правовых рисков и способы их диагностики на стадиях правообразования и правоприменения, отмечает, что даже тщательно выстроенный механизм последнего не гарантирует последовательной, корректной и глубокой реализации правовых принципов и законов. Так называемое плавное правовое воздействие в действительности нередко сопровождается появлением непредвиденных ситуаций, сбоев. Отклонение выступает обязательным спутником правовой нормы, и во избежание нанесения ущерба законности и правопорядку следует систематически анализировать и улучшать юридическую практику, предвидеть и устранять риски, предотвращать конфликты и достигать намеченных целей¹.

В данной статье на примере анализа административно-правовых действий должностных лиц Госавтоинспекции и государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации (далее — Гостехнадзор) по исполнению постановлений судей о лишении права управления транспортным средством попытаемся показать, что даже для такой устоявшейся за многие годы, узкой и специальной области правоприменения, как исполнение административного наказания в виде лишения специального права, весьма характер-

¹ Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 60–61.

на пробельность правового регулирования, влекущая конфликты и риски правоприменения, предвидеть и предотвращать которые — важная задача юридической науки.

Проиллюстрируем сказанное примерами возможных ситуаций, возникающих в ходе практического применения административно-правовых норм, регламентирующих порядок исполнения постановлений судей о лишении права управления транспортным средством, а также трактором, самоходной машиной или другими видами техники (чч. 1 и 2 ст. 32.5 КоАП РФ).

1. Гражданин Н. задержан за управление личным автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Работает трактористом в ЗАО «Урожай», имеет удостоверение тракториста-машиниста. По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении судьей Н. лишен права управления транспортным средством. Постановление судьи поступило для исполнения в подразделение Госавтоинспекции. Гражданин Н. сдал водительское удостоверение в указанное подразделение. Началось течение срока лишения специального права. По истечении срока лишения гражданин Н. прошел проверку знания им Правил дорожного движения, представил медицинское заключение об отсутствии медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, после чего водительское удостоверение было ему возвращено. Весь срок лишения специального права гражданин Н. продолжал работать в ЗАО «Урожай» трактористом. Таким образом, фактически гражданин Н. ежедневно допускал административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ (управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами). Должностное лицо, выпускающее гражданина Н. на тракторе в линию, могло быть привлечено к административной ответственности по ст. 12.32 КоАП РФ за допуск к управлению транспортным средством водителя, не имеющего права управления транспортным средством, что влечет наложение административного штрафа в размере двадцати тысяч рублей. На юридическое лицо за данное правонарушение налагается административный штраф в размере ста тысяч рублей (в соответствии с примечанием к ст. 12.32 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные данной статьей, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица).

2. Гражданин М. задержан за управление трактором в состоянии алкогольного опьянения. Работает трактористом у индивидуального предприни-

мателя Петрова, имеет удостоверение тракториста-машиниста. По результатам рассмотрения дела об административном правонарушении в суде М. лишен права управления. Постановление судьи поступило для исполнения в подразделение Госавтоинспекции, в нарушение ч. 2 ст. 32.5 КоАП РФ судьей постановление в орган Гостехнадзора не направлено. Гражданин М. сдал в ГИБДД свое водительское удостоверение. Началось течение срока лишения специального права. Через девять месяцев в ходе сверки между органом ГИБДД и Гостехнадзором было установлено, что гражданин М. имеет удостоверение тракториста-машиниста, копия постановления передана сотрудникам Гостехнадзора. В ходе беседы, проведенной с гражданином М., сотрудники Гостехнадзора разъяснили ему порядок исполнения постановления о лишении специального права. По истечении половины срока лишения гражданин М. сдал удостоверение тракториста-машиниста в Гостехнадзор. По истечении еще девяти месяцев прошел проверку знания им Правил дорожного движения, представил медицинское заключение об отсутствии медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, после чего получил обратно водительское удостоверение в ГИБДД и удостоверение тракториста-машиниста в Гостехнадзоре. Таким образом, девять месяцев, будучи лишенным права управления, гражданин М. продолжал работать у индивидуального предпринимателя Петрова трактористом.

Можно выделить основные причины рассматриваемой проблемы правоприменения, расположив их в порядке значимости:

1. Отсутствие необходимых нормативных правовых актов, регулирующих порядок взаимодействия органов Гостехнадзора с органами Госавтоинспекции, судами (судьями), а также установленного порядка выдачи удостоверения после окончания срока лишения, медицинской справки требуемого образца и т. д., т. е. весьма значительная пробельность административно-правового регулирования.

2. Невыполнение судьями положений ч. 2 ст. 32.5 КоАП РФ в части направления в органы Гостехнадзора постановлений о лишении права управления трактором, самоходной машиной или другими видами техники для исполнения.

3. Недостаточный уровень взаимодействия Госавтоинспекции с Гостехнадзором по исполнению административных наказаний в области дорожного движения.

4. Отсутствие доступа органов Гостехнадзора к федеральной информационной системе, интегрированной в необходимой части с информационной системой органов внутренних дел и Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП).

Отметим, что актуальность проблемы все более возрастает в связи с продолжающимся увеличением количества находящейся у граждан в собственности самоходной техники (и соответственно, количества выданных удостоверений, дающих право ее использования): тракторов, снегоходов, квадроциклов и т. д. (причем, как правило, владелец указанной техники является одновременно и водителем автомобиля, т. е. имеет водительское удостоверение), а также в связи с вступлением в силу с 1 июля 2015 г. закона об уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения². Отсутствие информации в Ростехнадзоре о лишении права управления, о стадии исполнения постановления о лишении указанного права, о наличии водительского удостоверения, а в Госавтоинспекции — аналогичной информации может в некоторых случаях приводить к несоблюдению принципа неотвратимости наказания в части непривлечения водителя или тракториста (тракториста-машиниста) к уголовной ответственности при наличии объективной стороны уголовно наказуемого деяния.

Рассмотрим базовые административно-правовые положения, нормирующие порядок исполнения административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством (самоходными машинами).

Статьей 32.5 КоАП РФ определены органы, исполняющие постановления о лишении специального права.

Постановление судьи о лишении права управления транспортным средством, за исключением трактора, самоходной машины и других видов техники, исполняется должностными лицами органов внутренних дел (ч. 1 ст. 32.5 КоАП РФ).

Постановление судьи о лишении права управления трактором, самоходной машиной или другими видами техники исполняется должностными лицами органов, осуществляющих региональный государственный надзор в области технического состояния самоходных машин и других видов техники (ч. 2 ст. 32.5 КоАП РФ).

Порядок допуска граждан к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста) органами Ростехнадзора предусмотрен постановлением Правительства РФ от 12 июля 1999 г. № 796 «Об утверждении Правил допуска к управлению са-

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1, ч. 1, ст. 81.

моходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста)»³ (далее — Правила).

Под самоходными машинами в Правилах понимаются тракторы, самоходные дорожно-строительные машины и другие наземные безрельсовые механические транспортные средства с независимым приводом, имеющие двигатель внутреннего сгорания объемом свыше 50 куб. см или электродвигатель максимальной мощностью более 4 кВт (за исключением предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования автомототранспортных средств, имеющих максимальную конструктивную скорость более 50 км/ч, и боевой самоходной техники Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны и безопасности государства).

Право на управление самоходными машинами подтверждается одним из двух документов: удостоверением тракториста-машиниста (тракториста), а также временным удостоверением на право управления самоходными машинами.

С нашей точки зрения, именно фрагментарность административно-правового регулирования прежде всего порождает необходимость значительного усиления координации при исполнении постановлений судей о лишении водителей права управления транспортным средством в части лишения права управления трактором, самоходной машиной и другими видами техники.

Проиллюстрировать проблему можно на примере N-ской области, входящей в состав Сибирского федерального округа. В указанной области исполнение постановлений о лишении права управления, предусмотренное ч. 2 ст. 32.5 КоАП РФ, осуществляется Гостехнадзором.

На регистрационном учете в Гостехнадзоре N-ской области в 2016 г. состояло 54 937 единиц техники (тракторов, снегоходов, квадроциклов, негабаритной техники, не участвующей в дорожном движении, и т. д.), ежегодно выдается от 6 до 9 тыс. удостоверений на право управления.

В январе 2017 г. в одном из районов N-ской области была осуществлена сверка постановлений, находящихся на исполнении в Госавтоинспекции, с базой данных удостоверений Гостехнадзора. Было проверено 396 постановлений о лишении права управления водителями. В ходе сверки

³ Об утверждении Правил допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста) : постановление Правительства РФ от 12 июля 1999 г. № 796 (в ред. от 17 ноября 2015 г.) // Там же. 1999. № 29, ст. 3759.

установлено 49 фактов (12,4%), когда водитель, лишенный права управления транспортным средством, имеет еще удостоверение тракториста-машиниста. Информация о лишении в Гостехнадзоре отсутствовала, из судов постановления о лишении права управления не поступали.

Необходимо учесть, что с октября 2016 г. Госавтоинспекцией N-ской области автоматизированный учет правонарушений в области безопасности дорожного движения осуществляется с применением базы данных ФИС ГИБДД-М на федеральном уровне. Информационный учет Гостехнадзором N-ской области в настоящее время осуществляется с применением региональной базы, и указанная сверка проводилась, соответственно, только по региональной базе данных.

В целях решения проблемы полагаем возможными организацию и проведение мероприятий, которые можно подразделить на следующие виды:

1. Срочные, не требующие внесения изменений в административное законодательство (организация трехстороннего взаимодействия на уровне субъекта Российской Федерации: суды, органы Гостехнадзора, органы внутренних дел).

2. Относительно долговременные, требующие внесения изменений в административное законодательство (приведение в соответствие с современными требованиями нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов Гостехнадзора и органов внутренних дел в рассматриваемой части).

Более подробно остановимся на срочных мероприятиях, не требующих внесения изменений в нормативные правовые акты, которые можно осуществить на уровне субъекта Российской Федерации.

Представляется целесообразным проведение рабочих встреч судей, сотрудников Госавтоинспекции, Гостехнадзора для выработки единого алгоритма взаимодействия (по вопросам получения копий постановлений судов, вступления постановлений в законную силу, изъятия удостоверений, определения начала исчисления срока лишения специального права и т. п.). Фактически необходимо организационно обеспечить единообразие действий должностных лиц Госавтоинспекции и Гостехнадзора по исполнению административных наказаний в ходе производства по делам об административных правонарушениях.

В рамках исполнения ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ требуется регламентация взаимодействия служб в части возврата удостоверения тракториста-машиниста (тракториста) по истечении срока лишения специального права за совершение административных правонарушений, предусмо-

тренных главой 12 КоАП РФ, после уплаты в установленном порядке наложенных административных штрафов.

Приведем один из возможных алгоритмов сотрудничества и единообразного действия должностных лиц указанных служб по исполнению наказаний в виде лишения права управления:

1. При оформлении административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, с наказанием в виде лишения права управления транспортным средством:

1.1. В случае управления транспортным средством:

— дополнительно устанавливать наличие у водителя удостоверения тракториста-машиниста;

— информацию, полученную со слов водителя непосредственно при оформлении административного правонарушения, отражать в материалах дела;

— запрашивать информацию в Гостехнадзоре до направления дела об административном правонарушении в суд.

1.2. В случае задержания водителя при управлении самоходной машиной и отсутствия у него при себе удостоверения тракториста-машиниста:

— возбуждать дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 12.3 КоАП РФ либо ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ;

— запрашивать информацию из территориального подразделения Гостехнадзора о наличии у водителя права управления самоходными машинами (удостоверения тракториста-машиниста).

2. При направлении дела об административном правонарушении в суд указывать информацию о наличии водительского удостоверения, а также удостоверения тракториста-машиниста.

3. При получении из суда постановления о лишении права управления транспортными средствами в отношении водителя транспортного средства:

— осуществлять исполнение наказания по вступившему в законную силу постановлению в установленном порядке;

— при наличии информации об имеющемся у водителя транспортного средства дополнительно удостоверении тракториста-машиниста копию постановления, вступившего в законную силу, направлять в территориальное подразделение Гостехнадзора;

— в случае прерывания срока лишения специального права в отношении лица, уклоняющегося от сдачи водительского удостоверения, информацию о начале течения срока лишения права управления транспортными средствами (в установленных ч. 2 ст. 32.7 КоАП РФ случаях) незамедлительно направлять в территориальный орган Гостехнадзора.

4. При получении из суда постановления в отношении водителя самоходной машины:

1) копию постановления направлять в Госавтоинспекцию в рамках ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ (лицу, составившему протокол об административном правонарушении) в течение трех дней со дня вынесения постановления;

2) если постановление не вступило в законную силу:

— в рамках взаимодействия с судом определить порядок получения вступивших в законную силу постановлений в отношении данных водителей (копия постановления должна направляться (передаваться) судом в подразделение ГИБДД для сведения);

— в случае отсутствия по объективным причинам возможности получения из суда копии постановления, вступившего в законную силу, получать ее из территориального подразделения Гостехнадзора;

3) при получении постановления судьбы, вступившего в законную силу, информацию о лишении права управления вносить в федеральную информационную систему Госавтоинспекции.

5. В рамках исполнения положений ст. 32.7 КоАП РФ:

5.1. Определить порядок взаимодействия с территориальным подразделением Гостехнадзора в части незамедлительного информирования подразделения ГИБДД о:

— дате сдачи лицом, лишенным права управления, удостоверения тракториста-машиниста;

— факте уклонения лица, лишенного специального права, от сдачи соответствующего удостоверения;

— начале течения прерванного срока лишения специального права (день сдачи либо изъятия соответствующего удостоверения, а равно получение Гостехнадзором заявления лица об утрате указанного документа).

5.2. Обеспечить корректировку в информационной системе Госавтоинспекции соответствующей информации.

6. Исключить факты получения (хранения) в ГИБДД удостоверений трактористов-машинистов.

7. При получении копии постановления о лишении права управления, вступившего в законную силу, в отношении водителя самоходной машины. Обеспечить информирование о факте лишения права службы участковых уполномоченных полиции органа внутренних дел.

8. В случае неясности способа и порядка исполнения постановления судьбы о лишении права управления в отношении водителей транспортных средств, самоходных машин в рамках ч. 3 ст. 31.4 КоАП РФ обращаться в суд, вынесший постановление, с заявлением о разъяснении.

9. В рамках исполнения нормы, установленной ч. 4 ст. 32.6 КоАП РФ («По истечении срока лишения специального права документы, изъятые у лица, подвергнутого данному виду административного наказания, подлежат возврату, за исключением случаев, предусмотренных частью 4.1 настоящей статьи» «...удостоверение тракториста-машиниста (тракториста) возвращается... после уплаты в установленном порядке наложенных на него административных штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения...»), при обращении сотрудников Гостехнадзора представлять информацию о наличии наложенных на лиц, подвергнутых наказанию в виде лишения права управления, административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения.

10. Определить порядок проведения территориальным подразделениям Гостехнадзора и Госавтоинспекции совместных сверок (не реже одной в месяц) по вопросам исполнения наказаний в виде лишения специального права.

Требуется также прорабатывать вопрос о возможности обмена информацией о наличии у водителей права управления транспортными средствами, самоходными машинами, назначенных административных наказаниях, этапах их исполнения и т. п. в электронном виде.

Целесообразность сохранения действующих норм административного законодательства, регламентирующих исполнение постановлений о лишении права управления трактором, самоходной машиной или другими видами техники должностными лицами органов, осуществляющих региональный государственный надзор в области технического состояния самоходных машин, с нашей точки зрения, требует дополнительного обоснования и в настоящее время является предметом научного исследования в Омской академии МВД России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бавсун Максим Викторович** — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе) Омской академии МВД России.
- Безверхов Артур Геннадьевич** — Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.
- Бекетов Олег Иванович** — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.
- Бойко Александр Иванович** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).
- Борков Виктор Николаевич** — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России.
- Бучакова Марина Александровна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.
- Герасименко Юрий Васильевич** — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области.
- Готчина Лариса Владимировна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Грязнова Татьяна Евгеньевна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.
- Дворянсков Иван Владимирович** — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва).
- Егоров Александр Георгиевич** — Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета.

- Егорова Наталья Александровна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России.
- Кожевина Марина Анатольевна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.
- Корыц Сергей Иванович** — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.
- Мазунин Яков Маркиянович** — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России.
- Назаренко Геннадий Васильевич** — Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Орел).
- Пудовочкин Юрий Евгеньевич** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (г. Москва).
- Ситникова Александра Ивановна** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Орел).

СОДЕРЖАНИЕ

Кожевина М. А. Популяризация правовых знаний как фактор развития отечественной юридической науки в дореволюционной России.	3
Грязнова Т. Е. Институты демократии Швейцарии в осмыслении российских либеральных юристов конца XIX — начала XX века.	9
Бучакова М. А. Межотраслевые связи в праве: аспекты правоприменения.	15
Назаренко Г. В. Категории концептуальности в уголовном праве.	20
Бойко А. И. Диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона.	24
Бавсун М. В. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления как основание для выделения специального субъекта уголовной ответственности.	31
Пудовочкин Ю. Е. Система исправительных мер уголовно-правового характера: опыт доктринального конструирования.	38
Ситникова А. И. Нововведения в примечаниях к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.	46
Безверхов А. Г. Корыстная цель в составе хищения чужого имущества.	49
Готчина Л. В. О санкциях статей 228–234 ¹ УК РФ.	58
Егорова Н. А., Егоров А. Г. Новые антитеррористические статьи уголовного закона.	61
Борков В. Н. Уголовно-правовая охрана государственной собственности в условиях рынка.	71
Герасименко Ю. В. О новых формах противодействия коррупции при осуществлении предпринимательской деятельности (на материалах Омской области).	78
Дворянсков И. В. Мониторинг поведения осужденных без изоляции от общества с помощью технических средств контроля (на примере Великобритании и Франции).	84
Мазунин Я. М. Факторы, влияющие на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет.	88
Бекетов О. И., Корыц С. И. Исполнение административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством (самоходными машинами): риски правоприменения и их предотвращение.	96
Сведения об авторах.	105

Научное издание

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Выпуск 12

Редактор О. В. Арефьева

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор А. В. Евдокимов

ИД № 03160 от 2 ноября 2000 г.

Подписано в печать 24.10.2017. Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 6,2. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 80 экз. Заказ № 717.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7